

УИЛЛ ДЖОНСОН

Держи это в тайне

Уилл Джонсон

Держи это в тайне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11841355

ISBN 978-5-4474-2236-3

Аннотация

Томми видит своего дядю в слезах и не может понять, почему он плачет. Чтобы отвлечь его, он отправляется с ним в путешествие по Европе прошлого. Читатель переносится во времена испанской гражданской войны, Сталинградской битвы и Холокоста, а Томми растет в Англии, запятнанной фашизмом. Наконец, все, что было тайным, становится явным, а главный герой находит любовь своей жизни в России.

Содержание

Глава первая: Томми I	5
Глава вторая: Джек I	32
Глава третья: Томми II	55
Глава четвёртая: Галя I	69
Глава пятая: Джек II	84
Глава шестая: Томми III	94
Глава седьмая: Джек III	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Держи это в тайне

Уилл Джонсон

Посвящается Бену, Филиппе и Флоре

*Прежде чем сказать, подумайте о том, что
нам все равно не суждено остаться в живых.
«Молитва о Сохранении», Одри Лорд*

*В тех краях, где мы сейчас, никогда не расцветут
цветы весной.
Иехуда Амихай*

© Уилл Джонсон, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава первая: Томми I

Я никогда не забуду тот день, когда увидел, как плачет мой дядя Джек. Мне не приходилось раньше видеть плачущего мужчину потому, что в те времена они некогда и не плакали. Этого просто не было. За исключением случаев, когда были пьяны и хохотали от души. Или под воздействием выпитого, погружались в сентиментальные воспоминания о своем прошлом. Но это все было как-то по-другому. Да и мужчины были другие, мне кажется. Или что-то в этом роде. Наверное. А может быть, именно дядя Джек был другим. Я не знаю.

Мне было тогда семь или восемь лет, мне кажется. Я помню, как моя мама послала меня в мясную лавку дяди Джека купить немного бекона и кровянки. Но не из-за того, что Джек был нашим родственником – все в округе говорили, что у него лучший мясной магазин на Олд-Кент-роуд. Теперь его там нет. Я проходил мимо, несколько месяцев назад. Сейчас там дешевая пивная и место тусовки педиков.

Я точно знаю, это было весной. Лондонские платаны уже начали отсвечивать тем особым светло-зеленым тоном свежести, восьмилетнему мальчику это казалось, своего рода, естественным маяком надежды после серой, влажной и бесконечно долгой зимы. Еще мне надо было купить немного горячих пасхальных плюшек в булочной. Так что это происходило, скорее всего, в преддверии Пасхи. Это сейчас вы мо-

жете купить пасхальные плюшки в супермаркете, когда вам захочется, да и в любое время года. Сейчас. Тогда все было по-другому. Нет нечего вечного. А мне казалось тогда, что есть. Я был так уверен, что некоторые вещи никогда не меняются. Но я ошибался. Много дерьмовых изменений. Даже дерьмо изменится, оставь вы его достаточно надолго. Это поначалу оно разных цветов, но потом меняется. Очень похоже на нашу жизнь, как я убедился.

Во всяком случае, всюду светило солнце, и мне было восемь, и в списке успеваемости моего класса в школе я занимал верхние строки. «Шпоры» делали успехи в тот сезон в Лиге, и *Пропуск в Пимплико* шел по телевизору, во второй половине дня, и все было все в порядке моем маленьком мире. Дядя Джек был высоким, сильным мужчиной с широкими плечами и черными волосами, приятной улыбкой и добрыми глазами. Он был всегда веселым и приветливым со своей семьей и с клиентами, так что поручение сходить к нему в магазин давало мне возможность перекинуться с ним парочкой шуточных бонмо – хотя я не и знал такого слова тогда.

Будучи членом семьи, я мог заходить в магазин со служебного входа, чтобы сделать сюрприз для него – и я так всегда делал: тадам!

Но как-то я увидел, как дядя Джек плачет.

Нет, он не рыдал навзрыд. Это были натужные раскатистые всхлипывания, исполненные печали, которые, как мне

казалось, начинали свой путь где-то очень глубоко в его груди, похожие на звук большого тесака, врезающегося в мраморный красно-белый окорок: говяжий или бараний или свиной.

Я вздрогнул и начал отступать к выходу. Я просто обалдел – хотя тогда мы так не говорили.

Неожиданно Дядя Джек поднял голову и наши глаза встретились. Я увидел в его взгляде непостижимую, беспредельную скорбь, которая, в раз сковала холодом мою душу.

Но дядя Джек вдруг усмехнулся и сказал, вытирая влажное лицо своими сильными руками:

– Все в порядке, Томми. Не о чем беспокоиться. Но ты заходи лучше через торговый зал, малыш.

И немного обдумав, он добавил:

– Томми – о том, что ты вот увидел, не рассказывай не кому – а, сынок? Давай, это будет секрет.

И я быстро оббежал здание и толкнул стеклянную дверь парадного входа. Колокольчик звякнул, и дядя Джек появился, право, как ни в чём не бывало; сияющий, как медный пятак. Просто олицетворение человека, который никогда в своей жизни не плакал.

– Дядя Джек, как там твои...? – я запнулся.

– Все в порядке, Томми. Как жизнь? Что хочет сегодня твоя мама?

Прошло много-много лет, прежде чем я узнал причину того, почему дядя Джек плакал, в то яркое весеннее много-

обещающее утро. В то утро, которое заставляло, удивленно открыв рот, как нарцисс на солнце, танцевать, – радуясь, что ты живешь на этой прекрасной и удивительной планете.

За многое я благодарен ему – моему дяде Джеку. Он научил меня плакать. Он научил меня жить. В некотором смысле, иносказательно, теоретически, благодаря провидению, он – причина того, что я сейчас здесь. Сажу в этом кафе, потягиваю кофе, ожидая женщину, чей смех, голос, улыбка и глаза научили меня надеяться и заново жить.

А дядя Джек. Ну, я никогда не забуду тот день. Также как и тот день, когда я узнал, почему он плакал. Вот так. Да и сегодняшний день мне не забыть по той же причине. Дни? Где была бы наша жизнь, если бы не дни?

У нас была большая и дружная семья. Мои мама и папа сами когда-то были младшими в своих семьях из пяти и четырех детей соответственно. Поэтому я был окружен шумной компанией старших кузенов, общительных дядюшек и тетюшек. Последние – сплошь домохозяйки, а если и немного работали, то не более восьми часов в неделю – деньжата, мелочевка, гроши, нал, бакшиш, калабашки, бабки, лавэ, балабасики, капуста, зелень. Как видишь – мне всегда нравились слова. А где же взяться историям, если не из слов?

По воскресеньям происходили сходы наших «кланов». У бабушек и дедушек. То у одних, то у других поочередно. Одни выходные вместе с шумной и сентиментальной родней матери; следующие – с более сдержанными и более трезвы-

ми родственниками моего отца.

Всегда казалось, что Дядя Джек держался немного обособлено, немного не к месту, как будто он мечтал о другой жизни, наверное, в другом мире. Где-то далеко-далеко от своей мясной лавки на Олд-Кент-роуд.

А «кланы», как я помню, всю собой гордилось. У них были автомобили – да, старые и проржавелые Форд Попьюларз, ну и что! В их домах появлялись телевизоры – современные, по меркам 1966 года. Они летали в отпуска за границу, о чем их родители никогда даже не мечтали, а о тех местах не только не слышали, но и едва ли могли себе их представить. У них были морозильные камеры и центральное отопление и дети, и все права гордиться этим.

И у дяди Джека все это было. За исключением заграничных отпусков. Я вообще не помню, что бы он куда-то ездил. Он никогда не покидал свою квартиру, которая находилась над магазином. Он выходил только за покупками, или ради одного из собраний наших «кланов», или посмотреть на игру «Шпор». А мои бабушки и дедушки, его дяди и тети, жили не далее чем за пару автобусных остановок, а то и так можно было к ним прогуляться пешком, если ты в хорошей форме. У него не было автомобиля. Детей тоже. Ну, и телека не было.

Дядя Джек всегда приносил с собой в коробке замечательный огромный кусок мяса, его хватало на всех нас. И он всегда отказывался от предложения подвезти его домой.

– Надо бы растряссти всю эту еду, – он весело шутил, когда мой отец предлагал его подкинуть. – Прогулка сейчас – это самое то.

И он ускорял шаг, как будто пытался убежать от какого-то дурного сна.

Теперь – когда я все знаю. Хотя – нет, не знаю. Я видел все, – но глазами ребенка – не понимая того. Слышал – но ушами ребенка. Невинно и беспрекословно веря, что все так и есть, как оно кажется. Мы утратили столько веры с тех пор. А может, это только я. И, ты знаешь, это случилось только тогда, когда я был уже достаточно взрослый, чтобы иметь своих собственных детей и свою собственную морозильную камеру, тогда я и начал сопоставлять все это. Я, словно гигант, собирал сложную мозаику, где лазурный небесный свод сверху, а узкая лента зелени внизу. На самом деле это трудно. Это приносит головную боль и ночные кошмары. Как, впрочем, и все лучшее, что есть в этой жизни. Но оно того стоит. А полное понимание картины, пришло ко мне только последние несколько месяцев. И это произошло только тогда, когда я нашел недостающую деталь мозаики, моего дяди Джека, которая и связала все воедино. А на тот момент, сказанное выше, не имело вообще смысла. Так может быть в жизни, как я убедился.

Тогда я не спрашивал дядю Джека, от чего он плакал в то утро, когда мне было восемь лет. Это было бы неприлично. Мне было восемь. Я англичанин. Восемилетним английским

мальчикам не пристало задавать вопросы старшим, почему их глаза переполнены слезами настолько, что печаль ручьями струится вниз по их лицам, в то время как они рубят топором огромные куски мяса. Он бы, все равно не сказал. Ему потребовалось годы, чтобы признаться. Забавно но, в конце концов – я даже не просил сказать. Я, как бы, сам к этому дошел. Почти. Хотя и нуждался в подсказке.

Я знал таблицу умножения. Я всегда получал десять баллов из десяти на еженедельной школьной контрольной с общих дисциплин. У меня была коллекция марок, которая четко и однозначно занимала третье место в школе, в годы моей учебы. Я мог назвать все страны Содружества. И всех королей и королев Англии. И, конечно же, в правильном порядке. Я был на вершине таблицы успеваемости в школе, и я знал заумные слова. Даже мог написать некоторые из них. Все было хорошо в моем маленьком бесхитростном мире.

Вот я и не спрашивал дядю Джека, почему тот плакал. Тогда. Не спрашивал и потом. Но теперь я знаю. И знаешь, дорогой мой, я до сих пор не понимаю до конца.

Я не понимаю, как его не сломали те невероятные, мучительные страдания и слезы, каждую минуту, каждого часа, каждого дня его жизни на этой земле. И тогда когда он общался со своим клиентам, и тогда когда прогуливался по улицам южного Лондона, и тогда когда он кушал со всеми нами в дни воскресных сборов. И на трибунах стадиона. Да каждый гребанный день, будучи в сознании.

Так на что они были похожи, эти наши собрания «кланов»? Честно говоря, у меня сохранились только примерные воспоминания. Громкий шумный смех. Все задействованы в веселье. Совместно готовят. Убирают посуду. Несколько бокалов для взрослых. Кружка пива или шэнди для моих кузенов постарше. Глоток хереса для меня на Рождество. Вино пока не дошло в нашу часть южного Лондона – это случилось в скором будущем. Когда вино, наконец, появилось, спустя несколько лет, это был непритязательный *Liebfraumilch*. Хотя на случай, если бы нас действительно замучила жажда – было припасено несколько ящиков шампанского.

Но я помню разговоры. И смех.

Фортепиано. Все мы стоим вокруг старой Джоанн. Песни. Рождественские песни. Сентиментальные песни о вечной любви и о сердцах, разбитых этой несносной жизнью. Непристойные опереточные песенки, полные недомолвок, от которых все взрослые оглушительно смеялись. И дети тоже хохотали – хотя я нечего не понимал в них, и провел бесконечно долгие часы в раздумьях о том, кого бы из моих многочисленных кузенов и кузин можно было расспросить – почему же все смеялись. При этом, не хотелось самому быть обсмеянным и выпровоженным вон за то только, что мне было пять. Или только девять лет. Или неважно сколько.

Мы также много пели патриотических песен. Тех, что пели во время войны. Мои родители, их братья и сестры, все они знали слова. И, независимо от времени года, бли-

же к вечеру, когда пиво вливалось, а скотч вытекал, наш «клан» впадал в сентиментальность. Вспоминалась, как правило, война. Ночи, проведенные на станциях метро во время Лондонского Блица. Отключения электричества. Продпайки. Звуки бомбардировщиков Люфтваффе. Слухи, последние новости, сплетни. Протяжные оглушительные бомбардировки. Несчастные случаи. Семья под номером 28 полностью погибла, когда на их бомбоубежище в саду упал снаряд прямым попаданием. Крылатые бомбы, а позже и баллистические В-2 — их пронзительный вой вызывал животный страх, у всех, кто его слышал. Тетя Рита сама видела взрослого мужчину, который обделался на улице, услышав этот звук. Дух Лондонского Блица — «Лондон переживет его, но Гитлер не сможет пережить Лондон!». Моя бабушка, мать моего отца, узнала, что ее старший сын (мой дядя Чарли) был оставлен раненым в бельгийском лесу, услышала она это от Билла Хиггинса, что жил на соседней улице и воевал в взводе Чарли (а не от Военного Министерства — их телеграмма — «Пропавший без вести» — пришла позже). Они оставили там дядю Чарли с небольшим запасом воды, двумя пачками сигарет и белым носовым платком, предварительно положив жгут на его ногу и предоставив его на милость медицинского персонала Вермахта. Они не получали новостей от Чарли в течение шести лет.

— С ним все в порядке, Мэгги. Это же просто пуля в бедре. Мы вынуждены были оставить его там. С ним все хорошо,

моя дорогая.

С ним будет все в порядке. С ним было все в порядке. Но, все же, дяди Джека не было с нами.

Дядя Билл и мой отец, вместе пробивались к дому через безлюдные пески пустынь, пустынь – бескрайних и безграничных, взбираясь с бархана на бархан, а потом еще – долгий путь домой через всю Италию. Монте-Кассино- ад наяву. Как позже рассказал мне отец об этом, незадолго перед своей смертью. Ад наяву, восставший, чтобы схватить вас, заставив смотреть в глаза смерти, чувствовать вонь ее грязного, смрадного дыхания, слышать ее отвратно хриплый гогот, испробовать ее дерьмо.

А дядя Сэм, который побывал в жарких влажных и непроходимых джунглях Малайзии, вернувшись с симптомами малярии и стойкой ненавистью ко всему японскому. Он умер прежде, чем мы узнали, что такое «суши». А еще он не верил в британский автопром. В чем-то он был прав.

И муж моей тети Риты, Артур, был в том же концлагере, что и дядя Чарли. Стэн, мой старший кузен, высаживался в Нормандии и судя по его рассказам, с боями пробивал свой путь на Берлин. И муж тети Дорис, который был десантником и побывал в небе над Арнемом, хотя до этого боялся высоты и полетов.

– Ну, просто нужно победить свой страх, а? Перебороть себя. Наш мир стал бы скучным, если бы мы делали только то, что нам нравится, согласен?

Слова, слова, слова. Когда тебе восемь – ты просто веришь услышанному. Истории.

Но никто почему-то не упомянул, что дядя Джо, отсидел пять лет (это я уже позже узнал) в британской военной тюрьме за продажу оружия и боеприпасов сицилийской мафии. Я видел дядю Джо лишь раз. Он неожиданно объявился в нашем доме, и как любила говорить моя мама, огорошил ее своим визитом. Он приехал на золотистом кабриолете Ягуар: с кожаными сиденьями и полированной деревянной приборной панелью. На нем был шелковый костюм, и от него пахло коньяком. Маме он подарил бутылку шампанского. Потом, сел и укатил с молодой, привлекательной, но излишне накрашенной юной особой, как оказалось, ожидавшей его в авто. Позже, моя мама, в праведном негодовании смиренно смутившись, назвала ее «блудницей». Словом, с которым я не сталкивался прежде – кроме как в контексте прогулок, походов в городские трущобы – «поблудить» для меня значило: долго искать дорогу или гулять без определенной цели. Мне понравился дяде Джо таким, каким я тогда его увидел. Хотя я осознавал – он не должен был мне нравиться. Я не был глуп. А теперь я понимаю – наш «клан» было не очень умным. Неумным настолько, что пытаться скрыть правду о дяде Джеке за семью замками. А дядя Джо. Но они не знали ничего о нем. На самом деле, ничего.

Дядя Джо сунул мне в ладонь банкноту в десять шиллингов, уходя. Его подружка мне подмигнула и так широко-

ко улыбнулась, что все смогли увидеть ее ровные зубы. Ее грудь плавно покачивалась, а ее каблочки мелодично цокали по тротуарной плитке, отдаваясь крошечные сейсмическими толчками в моем созревающем организме. Я до сих пор помню эти ощущения. Отдаленно.

Мне казалось – дядя Джо жил жизнью, о которой мечтал дядя Джек, в те моменты, когда тот мысленно был не с нами. Такая мысль была в моей голове. Но как оказалось, все было далеко не так. Абсолютно по-другому. Это была моя самоуверенность. Бахвальство. Басни об отчаянной храбрости и героизме.

А вот дядя Джек не был на войне. Он работал в торговом флоте, никогда не палил из оружия в ярости: легко отделался – так утверждал наш семейный миф. Отсиделся в войну. С «белым»

билетом. Вот о чем, говорил наш миф. Хотя нет, на самом деле, не так легко отделался, как вот – муж моей тети Дорин. Тот был на Багамах, в охране чертового герцога Виндзорского. Он так и не видел немцев. Только, если ты не считаешь нашего герцога немцем – а я так считаю, надо признаться.

Слова, слова, слова. Когда тебе восемь – ты просто веришь услышанному. Истории.

– Так, говоришь Джек, – начинал кто то из наших, подначивая его, – в то время, как я сдерживал грудью несущуюся на меня танковую дивизию, ты плавал за семью морями, у тебя были девушки в каждом порту, и ты наслаждался без-

заботной жизнью.

Дядя Джек не отвечал на это. Никогда. Ни пары с уст. Только однажды.

Я хорошо запомнил. Это случилось на Рождество 1964 года или 65-го. Почему именно тогда? Понятия не имею. Должно быть, он пил в тот вечер. Хотя обычно он не брал ни грамма. Но в тот вечер, он был пьян в стельку. Просто, блин, – в зю-зю! Хотя я не заметил, что ему это принесло радость расслабления.

Все, что я помню, как он стоял, немного пошатываясь, и тихо произнес:

– Вы все. Вы ничего не знаете. Ни хренá не знаете – большинство из вас. Чертовы идиоты!

А потом он ушел.

Установившееся молчание в комнате, из-за этой неожиданной вспышки гнева, сохранялось до тех пор, пока тетя Рита не заиграла первые аккорды из «Белых скал Дувра» и мы все охотно запели.

После этого случая, дядя Джек не приходил на наши встречи до следующей Пасхи, предпочитая проводить каждое воскресенье в одиночестве, в своей квартире.

Еще одна часть мозаики. Но, в то время, это было просто что-то непонятное, что непонятно почему произошло. Эпизод. И он, конечно же, стал семейной историей.

Мы умели сдерживать свои эмоции. Мы же англичане. Или, по крайней мере, не выказывать их на людях. Иначе,

это было бы как-то не по-английски. Также неприлично, как и хихикать в церкви. Или злословить в присутствии детей. Или писать в фонтаны. Или болтать за воскресным обедом. Так что, мои родители никогда не обсуждали эту вспышку гнева дяди Джека. И никогда не говорили о нем в моем присутствии, хотя, как-то я подслушал на кухне маму. Она сказала моему отцу, что дядя Джек – странный парень. Неужели? А помните выражение его лица, когда он узнал, что мы летим в отпуск в Испанию?

Жизнь протекала своим чередом в нашем эгоистичном маленьком мире.

Я вырослел, проходя извилистый путь юношеского становления. Так получилось, что я начал проводить больше времени с дядей Джеком. Он жил недалеко от нас. Я был самым старшим в семье, «помешан» на книгах, шум и гам от моих младших братьев и сестер вынуждал меня искать убежище в его квартире, где я мог спокойно делать мою домашнюю работу. И, мне кажется, у нас было много общего. Одиночество. Нигилизм. Слово, которое я выучил и полюбил в шестом классе. Но это слово, как и разгадка тайны дяди Джека были еще отдалены на много лет в будущее от тех вечеров и выходных, когда я затаскивал свой переполненный школьный ранец в его квартиру и принимался за учебу.

В квартире дяди Джека было по-спартански пусто, но безукоризненно чисто. У него были книги, я перелистывал их по утрам в субботу, когда тот был чем-то занят, но абсолют-

но не было никаких побрякушек. Только три фотографии. Черно-белые снимки – на них наш мир казался проще. Я никого на ней не узнавал там. На одной, был запечатлен матрос на палубе корабля, покрытого льдом и снегом, всматривающийся куда-то вдаль – спокойное море и облака. Улыбка этого моряка была единственным признаком жизни в округе; куски льда, плавающие вокруг корабля. На второй – была изображена молодая женщина с короткими темными волосами и большими чувственными глазами. Ее улыбка вдохновляла и согревала душу, если достаточно долго всматриваться в портрет. Она стояла, застыв на фото в том времени, о котором я ничего не знал. На ней была какая-то грубая военная форма, но без шевронов и знаков отличия. Кожаная куртка в стиле «милитари», частично расстегнутая вверху, так что можно было видеть ее кожу и ложбинку на груди. На заднем фоне угловатые деревья. Лес. Пейзаж нездешний. Ну – это не похоже на Южный Лондон, скажем так. На третьей фотографии можно было рассмотреть темноволосую девушку, а рядом – ее двойника блондинку. Девушки широко улыбались в камеру и нежно держали друг друга за руки, с любовью, как два неразлучника. Длинные винтовки, мне казалось, они были предназначены для охоты. Так оно и оказалось, как я уже знаю сейчас.

Я пристально всматривался в глаза этой женщины – а женщины ли? Она выглядела совсем юной. Чуть старше меня – я тогда не знал, что именно эти глаза и их нежность, улыбка

чивый прищур, приведут меня сегодня сюда, – пить кофе в кафе, в город на берегу Волги.

Истории. Ты веришь всему, когда тебе одиннадцать. Во все мифы, ложь и прочую ерунду, которую рассказывают о тех вещах, правду о которых, хотели бы скрыть. Слова, слова, слова, ла-ла, ла-ла.

Итак, как же проводил свободное время дядя Джек? Не знаю, если честно. Положа руку на сердце. Честность. Пустые слова.

Он много читал – я это знаю. И благодаря нему, моя коллекция марок заняла третье место, во времена моей учебы в начальной школе. Он дал мне марки в коричневом бумажном конверте – на них не было штемпелей или еще чего-то, они были просто отклеены со своих «родных» конвертов. И они были со всего мира. Испания. Германия. Франция. Австралия.

– Неплохо иметь товарищей в торговом, не так ли, малыш?

Слова, истории – ты веришь всему, когда тебе десять. Или восемь. Я до сих пор верю, хотя мне – пятьдесят четыре. Надежда. Вера. Любовь. Вечные поиски.

В конце концов, оказалось, что дядя Джек знал о жизни. А я – нет. Несмотря на то, что все эти годы писал на «отлично» еженедельные контрольные в школе. И вот, я наслаждаюсь этим кофе и уже знаю, как написать слово «нигилизм», все равно – я ничего не понимаю.

Имейте в виду, я все же знал больше, чем некоторые. Я помню школьную поездку в Западный Лондон, в Институт Содружества. Я стоял рядом с Джоном Бакстером, моим лучшим другом, рассматривая на стене огромную карту мира. Так вот, Джон даже не знал, где искать Британию. На карте.

– Прикинь. Мы же такая важная страна, а здесь – какой-то маленький, убогий остров.

О, Джон, – все меняется, мой друг. Буквально все. Нет ничего неизменного, на что ты мог бы рассчитывать. Неизменен только курс на изменения. О, Джон. Где ты сейчас, приятель? Я потерял тебя где-то в пути, вместе с моей коллекцией марок. Но Джон, я скоро вернусь, солнце. Скоро.

Очевидный факт был только в том, что дядя Джек тратил свои деньги на футбол. И книги. Когда мне было восемь, каждую вторую субботу он брал меня с собой на стадион. По субботам он открывал свой магазин в шесть, и закрывал его в полдень. Затем мы садились в автобус номер 49, в сторону Лондонского моста, там пересаживались в 55-й, с надписью «Лейтон» на табло, но скоро выходили – на Севэн-Систерс, и далее пешком, вверх, к Тоттенхэм-Хай-роуд. Одно из беднейших мест в Англии. Даже беднее, чем Олд-Кентроуд. Беднее, чем Северный Лондон – не важно, что они о себе говорят. В дни матчей, улицы пестрели темно-синими и белыми цветами.

Те дни на стадионе Уайт Харт Лейн. Дни – воспитания. Слова. Это там я научился материться. А громкие слова я

выучил где-то уже в другом месте.

Я прилежно учился в школе. Так надо было. Но существовало только три вещи, которые меня действительно интересовали. Книги, спорт и марки. Пока мне не исполнилось двенадцать, потом это стали – книги, спорт и женщины. Марки потерялись в пути. Ничего из этого не получило свою былую важность многие года спустя после войны. Все уже было по-другому. Ну, за исключением, женщин. Они должны были оставаться, еще на какое-то время, чем-то загадочным, как неисследованное «черное сердце Африки», как «где-же-он-есть-этот-Гинду-чёртов-куш». Так оно есть до сих пор. Даже сегодня. Особенно сегодня. И кажется, имеет ту же важность.

Книги и спорт имели власть надо мной. И книги о спорте – и не провоцируй меня!

Марки – это мое знакомство с миром. Наверное, мне было тогда шесть. Паренек постарше подошел ко мне на детской площадке и сказал:

– Я слышал, ты собираешь марки.

Я кивнул.

– Можно я пополню твою коллекцию?

– Да, конечно.

И с этими словами, он наступил, со всей своей силой, на мою ногу. Я не заплакал. Я не дядя Джек, в любом случае. Хотя, кажется, мне приходилось плакать. Внутри себя. Ну, почти внутри. Но не сегодня. Не сегодня. Пожалуйста, не дай

мне заплакать сегодня. Даже, если от счастья.

Книги казались простыми. Все легко. Без напряжения. Без усилий. Книги, с которыми я справлялся. Мне кажется, я начал с комиксов. «Победитель», в основном – там, я читал истории, которые описывали, как члены моей семьи, мужского пола, выиграли войну. Ты веришь всему, когда тебе двенадцать. Я «проглотил» все книги, которые были в обязательной программе. «Ласточки и амазонки». Шерлок Холмс. Биглс. «*Ветер в ивах*». Славная Чертова Пятерка. Слова, слова, истории – дешежка.

«Ты знаешь, «*Ветер в ивах*» – является еще одной причиной, почему я сейчас здесь, мне так кажется. Хотя это, в основном, из-за Джека. Я ненавидел эту книгу. До сих пор ненавижу. Сколько мне было, когда я впервые прочитал ее? Восемь? Девять? Неважно. Мне нравились Мышка и Кротик и Барсучёк. Я обожал там эпизод о том, как ласки и горностаи захватили Лягушиный Зал. Это просто лучшее, из того, что я когда-либо читал. Ласки и горностаи были такими крутыми. Круче некуда. Крутизна. Вершина крутизны. Пик крутизны. Очуметь, я бы сказал. Я провел несколько дней, гуляя по Олд-Кент-роуд, создавая в голове, как мне казалось, мое лучшее перевоплощение в ласку. Я представлял себе целую банду из нас, ласок, и то, как мы приходим на стадион посмотреть, как с Канониров набивают чучела. Мы бы отобрали у них Хайбери – теперь это Эмирейтс, конечно. Видите, как все меняется.

Но ты же знаешь, чем это закончилось. Ласок и горностаев выгнали, и Жаба забрала свое родовое гнездо обратно. Это действительно расстроило меня. В моей ранней юности, это меня возмутило. Это меня рассердило. Оно меня разозлило, вывело из себя, привело в бешенство; пока, наконец, я не выучил несколько новых слов – оно ранило мои эстетические чувства. И ранит до сих пор. Жаба-коряба. Жаба-сучка. Таких не показывают в документальных фильмах о природе.

Слова, слова, слова. Истории. Все же, *«Ветер в ивах»* научила меня не верить таким историям. Меня это по-прежнему раздражает, но теперь я знаю, что это все аллегория. А ласки – это рабочий класс и его поражение неизбежно, потому что Кеннет Грэм был скрытым фашистом, чьи вымышленные рассказы служили для укрепления значимости буржуазии. Или элиты. Выбирай сам, солнышко. Сделай, этот чертов выбор. Вот так, большинство вещей меняется – Хайбери стал Эмирэйтс. А *«Ветер в ивах»* имеет неизменный дар раздражать меня. Отвращение к отродью порожденное жабой – корябой остается со мной.

Единственное, что было у дяди Джека – это книги. Тысячи книг. Как и в фильме *«Зулус»* – там кто-то подбегает к Майклу Кейну и говорит:

– Зулусы, сэр.

– Сколько их?

– Тысячи, сэр.

Истории. Слова. Без них не обойтись. Но, на самом деле,

если ты хочешь поумнеть, а я почти всегда хочу поумнеть, мой дорогой, – увы, никакой фильм этому не поможет. Это просто слова, приятель.

И, как бы ни парадоксально это звучало, ты, все же, можешь обойтись без книг. Истории бывают разными. Нам всем нужны истории. Истории, среди которых мы живем. Истории, которые мы рассказываем. Истории о нас.

Только дядя Джек не мог бы обойтись без книг, у него их было несчетное количество. А для меня это было еще одной причиной околачиваться все выходные в его квартире.

Кажется, я не могу точно сказать, в какой именно момент Шерлок Холмс уступил место Гамлету, а Доктор Ватсон – Уинстону Смиуту, но это случилось где-то там, в квартире вниз по улице. Это там Филипп Пиррип сменил Бигглса, Иван Денисович – Джинжера, а Гумберт Гумберт пришел на смену Кротику и Мышке.

Конечно же, я сознавал – дядя Джек приложил к этому свою большую руку мясника, каким-то образом. Я помню, потому что на мое тринадцатилетие, он подарил мне книгу *«Скотный двор»*. Она и сейчас со мной, в отеле, в моем чемодане.

– Хочешь почитать о животных? Стоящая вещь, сынок. По любому лучше, чем то, что ты читал о Жабе.

И это было только начало. Прочитал всего Оруэлла. Всего. На полке у дяди Джека я обнаружил экземпляр *«Памяти Каталонии»*. Прочитал за день. Прочитал Солженицына, а

потом – безгранично ироничную «Лолиту». Я брал ее в местной библиотеке в Гринвиче. Зная о моем интересе к Солженицыну – библиотекарь, заинтересовался: хотел бы я, еще кого-то почитать из российских эмигрантов? Замечательно, чертовски замечательно.

Тебе нравится Гиннес и Риверданс – ты полюбишь и «Поминок по Финнигану»! Давай – прочти! Ты будешь в восторге! Видел фильм?

Имей в виду – у тебя потом не получится глотать Дисневскую дрянь.

Слова. Они действительно могут задеть за живое. Очень даже. «Доктор Живаго» лежит сейчас в моем кармане. В моем планшете. Разве можно было раньше себе такое представить? Электронные книги? Когда я был маленьким, нам говорили о том, что скоро мы будем жить в колониях на Луне, заниматься лунным фермерством, использовать энергию особого лунного минерала для выращивания хлеба, чтобы прокормить нашу планету. Об этом писали газеты. Вот такая ерунда, мой друг. Подобные истории нам внушали, напуская туман и искажая реальность только, чтобы скрыть правду и превратить ложь в истину.

Джон Бакстер и походы на стадион, чем дольше жизненный путь – тем больше книг.

Со спортом было не так все просто. Легко заниматься – трудно осмыслить. Я помню, как моя мама разбудила меня ночью в 1963-м, что бы шепнуть мне на ухо, что она только

что слышала по радио, – «Шпоры» выиграли Кубок обладателей кубков! Играли против Атлетико Мадрид. 5–1. Легко. И я помню, что почти не смотрел Кубок Мира в 66-м, потому что Альф Рэмзи не взял в сборную Джимми Гривза, а так как наша семья, в первую очередь, болела за «Шпоры», а потом уже за всех остальных; Гривз был нашим идиолом. Из такой обиды, мой папа практически желал, что бы ФРГ утерло нос нашей сборной. К тому же, нам не нравилось, как играла Англия – уж слишком это напоминало Арсенал. Моя мама, отправляясь в обед за покупками на Лэвишем-Хай-стрит – не знала результат очередного матча, пока не придет домой. Ей не хотелось оставаться дома, потому что мой папа обычно орал и ругался в телик. Ей-богу, я уверен, что они слышали его там, в Уэмбли. Мама купила мне книгу, одну из серии Дженнингс – меня опять направили по ложному пути. Я все еще находился во власти Бигглса, Ласточек и Амазонок, упорно разыскивая слова к своей мечте. Христос! Бигглс! Ласточки и амазонки! Дженнингс! Жаба! Придурки. Словоблуды. Словоблуды с куриными мозгами.

Истории, истории – просто слова. До тех пор пока ты не осознаешь, что ты сам живешь в этой истории. И ты рассказываешь свою историю. Но ее содержание от тебя не зависит. Цель. Результат. Развязка. Финал. Как забавно!

А хуже всего – тебе надо найти эти слова. Я имею в виду, что бы рассказать свою историю. Насмешка судьбы.

Все знают о 1966-м. Вспомни, это же не трудно? Конечно-

но, третий гол так никогда и не пересек линию ворот – я не верил в это тогда, и сейчас не верю. Но представь: если ты – Англия и играешь против ФРГ в финале Кубка мира, всего лишь двадцать один год спустя, после окончания Второй мировой войны, то из какой страны, если не из Советского Союза, ты бы хотел видеть судью и боковых арбитров? Судье и боковым арбитрам было за сорок.

Помнишь политруков, которых, когда брали в плен, просто обливали бензином, развлечения ради и наблюдали, как они горят заживо? Помнишь, Сталинград, мой друг? А блокадный Ленинград помнишь, мой приятель? Помнишь, красноармейцев, которых посылали вперед, перед евреями, в газовые камеры Освенцима, чтобы проверить, как они работают, мой товарищ? Двадцать семь миллионов советских граждан было убито.

Конечно, мяч был явно на линии. Утром, 27 января 1945 года ты бы сказал, что он точно и неизбежно будет за той линией – за двадцать один год до того, как Джефф Хёрст пнул ногой эту чертову штуковину.

Слова, слова, слова. Истории.

Слова – тебе нужно быть осторожным с ними. И с женщинами. Я это уже знаю. И дядя Джек тоже знал. Слова и люди – могут поддержать или сломать тебя, мой дорогой.

Так много всего непонятного в этом мире, когда ты маленький. Почему фаны другой команды «шипели» на болельщиков «Шпор», как только те приглушали, или прекра-

щали свое пение? Теперь я знаю, почему так – это был звук оглушительного потока токсичных газов. Это мне напомнило о том парне, которому казалось, что это так смешно – «полнить» мою коллекцию марок.

Я говорил, что в двенадцать, появился интерес к женщинам, но, знаешь, я солгал. Я так часто делаю. Увидишь еще. Я помню, Дебби Чапман рассказала мне на перемене в начальной школе, как сделать ребенка. Услышанное показалось крайне странным, вызывавшим отвращение, но, не к Джанет Тейлор конечно. Одна из близняшек, сказала мне, что Дебби все напутала. Я испытал облегчение. Как-то так. Близняшки Тейлор были исключительно привлекательными – живые лакомства, мороженое на ножках, украшенное лентами клубничного джема. Даже восьмилетними, мы могли «как бы случайно» ронять ручку на пол, и пока, копошились на полу в ее поисках, украдкой заглядывали под их юбки; блуждая глазами по идеальным юным ножкам вверх, к темно-синему треугольнику их школьных трусиков. Они были очаровательны. Близняшки Тейлор, а не трусики, конечно. Джанет и Карен Тейлор – какие воздушные, мелодичные и легонько щекочущие кончик языка, звуки, какая идеальная симфония благозвучия. Часто думаю, где они сейчас. Не трусики – близняшки Тейлор. Надеюсь, они счастливы. И любимы. Также надеюсь, что у них есть хорошая история, что бы рассказать нам.

Ивонн Аткинс. Я никогда не забуду ее. Я полагаю, ее мож-

но назвать моей первой любовью. Мы провели с ней весь последний год в начальной школе, гоняясь друг за другом в «догонялках на поцелуй» на детской площадке. Я провожал ее домой и изо всех сил тащил на себе ее портфель. У нее были: темно-каштановые волосы; огромные глаза, в которых я – мальчишка, мог утонуть; широкий, выразительный рот. Я умел ее рассмешить. Я использовал слова, чтобы заставить ее смеяться. И сумасшедшие танцы.

– Глянь, Ивонн, посмотри! Только я умею ходить задом наперёд – при этом говорить, танцевать, одновременно цепляться за землю своей секретной сверхъестественной силой, несмотря на мои антигравитационные брюки.

Ивонн хохотала, хотя я не думаю, что она в это полностью верила. Я всегда умел рассказывать белиберду с серьезным лицом.

А потом – наша последняя четверть перед старшей школой – должно быть, тогда стоял июль – было жарко парно, влажно, липко – эта мокрая-с-прилипающей-к-телу-одеждой жара, привычная в Лондоне. Когда ты точно знаешь, что день закончится впечатляющей грозой и проливным ливнем. В один из таких дней, Глория Смит подошла ко мне на детской площадке, сразу же после начала обеда, и сказала:

– Пойдем со мной. Ивонн хочет что-то показать тебе.

И я пошел. В здание. Вверх по лестнице. Меня втолкнули в девчачий сортир. Она лежала – Ивонн – голая. Я уставился, как на неизведанную область на карте мира, пронзенный

темнотой треугольника, там, где сходились ее бедра; там, где белизна ее ног была размыта темными тонами. Неизведанный остров. Неведомый край. Гиндукуш моего созревания. Я понятия не имел об этом. Не знал, как подобрать нужные слова.

– Прикоснись ко мне, если хочешь, Томми – тебе должно понравиться.

В тот вечер, провожая ее домой, мы поцеловались. Мне показалось, как будто ангел обнял меня и приоткрыл мне вкус рая – у этого ангела не было крыльев, и трусиков тоже. Ах, молодо-зелено. Это я о себе, а не о Ивонн.

Это случилось в четверг. А в пятницу Ивонн ушла домой из школы в первой половине дня. У нее сильно болела голова. К утру воскресенья – она умерла. Кровоизлияние в мозг. Я узнал об этом только утром в понедельник. Школьные сборы. Все мы в слезах. Глория воет, как загнанный дикий зверь. Я стою в оцепенении. Нет слов.

Не целуй слишком много ангелов, Томми. Они умирают.

Глава вторая: Джек I

Всю ночь им приходилось терпеливо слушать стоны, крики, агонию невыносимой боли солдат, захваченных в плен, в тот утренний бой. Отдельные голоса, мольбы о жалости и милосердии, сливались в один первобытный рев мучительной боли, и Джек, находясь на посту в ту ночь, не мог заглушить эти звуки в своей голове. Со всех сил он старался отвлечься от мысленных попыток прислушиваться то к одному душераздирающему всхлипыванию, то к другому – еще более страшному гортанному клочкотанию. А может это Боб из Ливерпуля, тот, который еще вчера вечером рассказывал байки о своей работе в доках? Или это там – Джейми из Глазго, который каждый вечер писал письма своей девушке? Или, может, это холодящие кровь стоны того шахтера из Ноттингемшира. Парня, что сторонился других и все свое свободное время в окопах, там, в лесу, посвящал резьбе шахматных фигурок из заранее припасенных деревянных обрезков?

Захватчики отняли также двух псов, что жили у нас в расположении – Лупитто и Бандитто, так их мы называли. Холодный ночной воздух все еще был пронзен диким и безумным ревом медленно умирающих животных. Джек старался не думать о том, что они сейчас чувствуют. В любом случае, и вскоре это будет известно – на завтра планировалась контратака – конечно, если получится удержать позиции в

этих окопах.

Джек медленно потягивал сигаретный дым, запивая крепким черным чаем. Как-то странно, но вкус этого чая был похож на тот, к которому он привык у себя дома, в Англии. Хотя местный кофе ему так и не пришелся по душе, но вот, чай – это был просто нектар. Во всем остальном, Джек улыбнулся про себя, он стал довольно быстро настоящим солдатом. Он научился спать, как только выдавалась любая свободная минута; в присутствии командиров, научился делать вид, что занят чем-то важным; научился кушать, все что попадалось и пить, все что предлагают. Конечно, от собак был толк в окопах: благодаря их обонянию и слуху, он чувствовал, что именно в эту ночь надо быть более внимательным к угрозе вторжения. Имейте в виду, маскируя свои звуки посторонним шумом, враг может легко подкрасться к вашим окопам, не будучи прежде замеченным.

Он закурил еще одну сигарету, его пальцы все еще дрожали. Это его первый вкус войны. Его тело бил нервный тик. Атака началась ближе к полудню, двенадцати часов тому назад, но до сих пор его тело и ум не пришли в норму. В голове медленно проплывали картины пережитого в мельчайших деталях. На самом деле, атака длилась часа два не больше, но сейчас, воспроизводя все в своей голове, Джеку казалось, как будто прошло несколько дней от первого налета бомбардировщиков. «Пикировщики», как их называл Робби – пронзающих небо резким звуком прямо над головой и по-

ливающих дождем снарядов из своих минометов. До штурма вражеской пехоты и, наконец, до рукопашного боя – не на жизнь, а на смерть, в этих окопах.

Легче всего в бою было тогда, когда он мог вскарабкаться на край окопа, прицелиться и выстрелить из своей винтовки, в этот момент он точно знал – его пуля достигла цели. Новые русские винтовки, которые мы получили неделю назад, выглядели угловато, но были удобны в стрельбе. Штык легко и быстро снимался при необходимости. Джек не ждал приказов – он ясно и четко знал, что делать. Поначалу он боялся, очень страшился, что не справиться со своим кишечником, как только начнется авианалет и минометный обстрел. Но враг подошел вплотную, и ему стало не до боязни – он был слишком занят тем, как остаться в живых, чтобы помнить о страхах и чтобы бояться быть убитым. Все его тело сотрясало и руки дрожали, но он знал, что снова все сделает точно так – как будет нужно. Кому-то же надо это делать. Он и Робби для этого были здесь и сейчас. Если не они, то кто?

Он услышал, как кто-то, шаркая ногами, шел к нему вдоль траншеи. Джек опустил винтовку и крикнул:

– Стоять!

– Спокойно, старина. Это я – Робби.

Джек почувствовал, что Робби присел рядом с ним.

– Есть у тебя закурить?

– Конечно, Робби. Вот, бери. Я думал, ты не куришь.

Опять начал?

– Есть такое, дорогой. Это же согласно последней директиве Партии – чем больше ты куришь, тем меньше боишься атаки фашистов. Ты что, не слышал? Джек, твоя большая проблема, в том, что ты идеалист. Твое сердце бьется в правильном ритме, но у тебя нет времени изучить партийную доктрину. Вот, почему я комиссар, а ты, дорогой мой, всего лишь прилежный, толстозадый пехотинец, армии пролетариата.

– Отвали. Я защитник пролетариата. Преданный Отец бездомным и отважный Страж для детей-сирот из много-страдального рабочего класса. Или ты не согласен?

Робби усмехнулся. Из него получился хороший комбат, подумал Джек. Серьезный и преданный, но не чересчур серьезный, в отличие от того немецкого коммуниста, который читал нам лекции во время чертовски трудных дней в окрестностях Мадрида, до этого похода за Эбро.

– Извини меня, Джек. То есть я хотел сказать: «Извините меня, Верный Защитник Черти-знает-чего».

Наши плечи синхронно содрогнулись от смеха.

– Джек. Я испугался сегодня. Я чертовски был напуган.

– Я тоже. Еще больше был напуган, чем тот трусишка Элджернон из книги «Страх», как мистер Боюсь из небольшой деревушки Ужас, что недалеко от города Паника, Соединенного Трусливого Королевства. Но поверь, Робби, те звуки, что мы слышали, заставили меня бояться и самого себя. Я боюсь того, что могу сделать с этими ублюдками, когда мы

пойдем в наступление.

Он затих на нескольких секунд. Джек догадался, что Робби тихо плачет. Он слышал его порывистое дыхание; почувствовал, как незаметно вздрагивают его плечи.

– Джек, я больше за врага, боялся показать свой страх. Неожиданно для себя заметил, что молюсь Богу, хотя я и не верю в него, что бы в меня не попали, а если и попадут – что бы я не заплакал и выдал свою боль. А еще, я испугался что, когда придется убить – я струшу. Но, ты знаешь, убив в первый раз, я увлекся этим. И тогда еще больше испугался тому. А как ты себя чувствовал в бою?

– Так же, как и ты. Паршивая ситуация, как мне видится, что скажешь? Мы все боимся больше выдать свой страх и свою боязнь убивать. Но, поверь, Робби, тот парень, который напоролся на мой штык – это ж было как: он или я. А я хочу жить, – Джек замолчал. – И я тогда подумал: «Черт побери все это! Ты же сюда не в отпуск приехал, Джек Уилкинсон, ты приехал сюда убивать фашистов и, боже мой, там прямо перед тобой и был фашист». Так что, я убил его ... Робби, хотя мне это не по душе, но я не собираюсь домой. У нас есть работа, и мы будем выполнять ее. Мы ведь одни здесь – больше нет никого?

– Я знаю. У нас все получится. Слушай, я обхожу парней, ну, кто не спит, что бы рассказать, что завтра мы получим много патронов, несколько пулеметов и нам пришлют два снайпера. Русских, по-видимому.

– Русских? Снайперов?

– Они, как и мы, – добровольцы. Все они, просто отличные парни. Хорошие стрелки, как мне говорили.

– Бог мой! До сих пор не могу в это поверить. Подумай только, Робби, шесть месяцев назад, мы были в Южном Лондоне. Жили в нашем маленьком мире. И кто бы мне сказал раньше, что, скоро, я буду в Испании, сражаться бок о бок с людьми со всего мира – я бы никогда не поверил. Ни за что не поверил, что мы будем воевать за наши убеждения, а не за наше правительство, и не за нашу страну – а, именно, за свои принципы. Я никогда не был так счастлив, несмотря на пережитый сегодня страх.

– Я тоже счастлив. Мне кажется, этим я хотел заниматься всю свою жизнь, но до сегодняшнего дня не осознавал своего желания. Представь себе на минуту тех, кто сейчас там, дома. Наши сверстники, должно быть, вот в этот момент, неспешно выходят из паба или из харчевни, думая о том, что завтра им снова идти на ненавистную работу.

– Да уж, а нам завтра надо ожидать контратаку. Я убил бы сейчас за тарелку жареного картофеля и за несколько пинт грога.

– Ну да, но, именно сейчас я чувствую себя живым. И, впервые в моей жизни, востребованным. Я понимаю всю важность моей работы. Признаю, это звучит глупо, Джек, но я надеюсь выжить, чтобы рассказать историю этой войны. Надеюсь, что и ты будешь жить дальше, что бы рассказать

людям свою историю о том чувстве солидарности, что побеждает все страхи.

– Робби, мне даже стало нравиться служить в армии. Именно здесь. Понятно, есть здесь и рутинные обязанности – строевая подготовка; пост дневального, где отсчитываешь каждую минуту до увольнения. Но мне нравится порядок, атмосфера и дух товарищества. Может, это будет хорошей идеей снова вступить в армию, когда мы закончим воевать здесь. Мы будем обязаны кинуть вызов Гитлеру в определенный момент.

– Ммм, я бы не был так уверен в этом. Многие из наших политиков, мне кажется, обожают его дар управления государством. Но, большинству из этих политиков я, конечно, не стал бы доверять, и ты, наверное, прав. Думаю, что войне все равно быть, рано или поздно. Ладно, Джек – есть у меня еще работа. Как долго ты еще будешь на посту?

– Еще час, потом попробую немного поспать, если только смогу себя успокоить, и эти звуки, из вражеских окопов, утихнут.

– Ясно. Увидимся утром, дорогой друг.

– Пока, Робби.

И Джек остался снова один, считая минуты до окончания своей вахты. Но так и не было, ни минуты покоя из-за постоянных криков и диких воплей, что доносились с противоположной стороны. Джека охватило чувство безграничного страха и отвращения к тому, что он слышал. Казалось там, в

четырёхстах ярдах от него, практикуют ужасные, изощренные пытки.

В следующее утро, Джек проснулся от своего чуткого, прерывистого, наполненного разными кошмарами, сна, и сразу заметил продолжающуюся какофонию ужасного шума со стороны линии окопов врага. Его внимание привлекло полное отсутствие звуков пения птиц. Чудовищные вопли доминировали в прохладном, мрачном и бодрящем утреннем воздухе.

Вместе с рассветом пришел обычный суетливый день, со своим неторопливым и заурядным солдатским ритуалом возвращения к жизни. Завтрак был очищен от грязи и проглочен с поспешностью отчаянного человека, который не мог хорошо выспаться. Оружие было проверено. Сигарета выкурена. Ленивые шутки заполняли паузы, пока некоторые солдаты брились, другие чистили винтовки, а третьи придумывали письма, вели ежедневники, личные дневники и заметки, создавали завещания или писали стихи.

Где-то еще задолго до полудня – Джеку, казалось, что он теряет точный счет времени, когда стоит на посту дневального – прибыли обещанные российские снайперы и сразу отправились доложить о своем прибытии командиру бригады.

Джек был поражен, увидев, что это девушки. Одна – блондинка, а другая – с черными, как смоль, волосами. Но если бы не цвет волос, их нельзя было бы различить с первого взгляда. За спинами у них были небольшие рюкзаки, а

в руках длинные винтовки с оптическим прицелом. Они бережно держали винтовки перед собой, прижимая их к груди как младенцев, которые еще нуждаются в защите и материнской опеке. Джек, отчасти, был крайне удивлен еще и потому, что ожидал он увидеть мужчин-снайперов. А также потому, что он был родом из Англии, где сам факт, что женщина может участвовать в войне, казался совсем невероятным. Робби, как ярый сторонник лоялистов, был тоже очень впечатлен, если не сказать, что шокирован, но он старался не подавать виду.

– Такие-то дела, Джек. Я слышал, что заводы в Советском Союзе организуют ясли для работающих матерей.

– Что значит «ясли»?

– Это как детсад, там детей оставляют на день, пока их матери работают. Совсем не так, как у нас в Англии.

– Да, много чего по-другому у них там. А они умеют воевать?

Робби рассмеялся.

– Посмотрите-ка на этого великого воина! Джек, двадцать четыре часа назад, ты и сам не знал, что ты умеешь воевать. Давайте дадим им шанс, а там посмотрим, что они умеют. Вот тогда и будем делать выводы. По-видимому, они с честью окончили снайперскую школу, а сегодня будет проверка их навыков в деле.

– Я тоже мечтаю стать снайпером. А как стать снайпером в британской армии?

– Забудь об этом, мой дорогой. Прежде всего, для этого нужно стать офицером или уже быть им...

– Конечно, а ещё сначала нужно окончить частную школу. Это смешно! Вот так они и теряют хороших снайперов – глупее не придумаешь.

– Джек, скажи спасибо судьбе, что ты не служишь в британской армии, сынок. Были бы у тебя сплошные наряды вне очереди за то, что ты такой маленький пакостный чёрт!

– Эх, Робби – это лучшее, что ты говорил мне когда-либо.

Вскоре было организовано общее собрание, что бы обсудить тактику контратаки. Несколько часовых остались, для виду, на передовой, в то время как остальные бойцы собрались в небольшой, ярдов на сто, траншее. Командир батальона обратился к солдатам:

– Всех, попрошу внимания! В это утро, с нескрываемым удовольствием, я хотел бы представить вам двух товарищей из Советского Союза. Галя Резник...

При этих словах, со своего места поднялась девушка с короткими черными волосами. Присутствующие приветствовали ее приглушенными аплодисментами, дружескими улыбками и подбадривающими кивками.

– И ее сестра по оружию – Катя Тутикова. Как и вы, Галя и Катя – добровольцы. Я уверен, что их военные таланты улучшат результативность наших боевых операций. И, даже более того, именно благодаря ним, мы сможем в этот раз продумать нашу контратаку.

План очень простой. Солдаты, которые остаются в окопах во время атаки, будут обеспечивать оттуда заградительный огонь. В то же время, Галя и Катя расположатся на расстоянии в двадцать пять ярдов по обеим сторонам от меня и командного пункта. Их работа заключается в обеспечении прикрытия огнем. А он, я надеюсь, будет у них более точным. И как только мы достигнем вражеской линии обороны, и начнется ближний бой, Катя и Галя должны будут быстро продвигаться за нами, оставаясь на небольшом расстоянии позади, и тщательно выбирая свои цели, пытаясь нанести противнику максимальный урон. Галя и Катя объясняют, что им потребуется от вас.

Они обе кивнули и улыбнулись. В Галиных глазах отразилась ее улыбка, и огонек страстной ярости. Она промолвила:

– Fascisiti officieri! – согнув и подняв правую руку перед собой, имитируя режущее движение ладонью по шее.

Все рассмеялись. Солдаты все поняли.

– Товарищ командир, а как мы будем наступать? – кто-то спросил.

– Я думаю, только вперед. Обычно, это единственный вариант.

Все снова засмеялись.

– Ну, товарищ командир, я хотел спросить – в чем же именно заключается сам план?

– Рад, что вы спросили меня об этом. Мы не будем делать, как обычно, безумный рывок через нейтральную полосу. А

будем подкрадываться, тихо и незаметно под линией вражеского обстрела, а затем – только попрошу без криков и шума, товарищи, – к часу дня, мы должны подобраться к вражеским окопам. Нагрянем к ним, в тот момент, когда они нетерпеливо ожидают свой обед и послеобеденный отдых.

– Это что-то новое, товарищ командир. Вы думаете, они будут ждать нас?

– Чертовски надеюсь, что нет. В противном случае, как говорят здесь в армии, мы полные идиоты. Вот и все, что касается плана-сюрприза. Увы, нет возможности получить артиллерийскую поддержку или поддержку с воздуха, но теперь у нас есть наши девушки, наше новое секретное русское оружие. Я не знаю, что вы слышали и что вы думаете о снайперах, но в советской армии снайпера используются не так, как в других армиях. Начнем с того, что у них есть по два снайпера в каждой пехотной роте. И эти специалисты не сидят постоянно на закрепленных оборонительных позициях, они более подвижны, их роль – поднять эффективность боя. Я верно говорю, Катя?

– Верно. Конечно, мы можем и обороняться, когда того требует ситуация. Для этого мы используем специальные тайники. Но в нашем случае, мы будем атаковать, мобильно меняя позиции, используя наши оптические прицелы, чтобы целиться именно в их офицеров. Или просто, будем сеять хаос и панику в их рядах.

Она слегка улыбнулась, заметив, одобряющую улыбку ко-

мандира в ответ. Все бойцы приветливо улыбались. Война, ведь, серьезное дело, в конце концов.

– И еще минуту внимания, товарищи. Те звуки, что мы слышали ночью – это пытали наших ребят и...

– И собак тоже.

– И собак. Я не хочу, чтобы вы начали пытаться вершить возмездие. Наша воинская цель – освобождение, а не возмездие. А наш враг – такие же солдаты, как и мы. Проявим к ним уважение. Среди них есть те, которые живы сейчас, но они не доживут до захода солнца. А есть и те, кто не хочет отправляться к праотцам, а мы не будем на этом настаивать. Что касается других, кто будет оказывать сопротивление – ну что же, давайте перевернем вверх дном, испекаем и уничтожим их мир. Дадим им смерть, которую они заслуживают. Будучи отчаянными и доблестными в бою, не забывайте оставаться великодушными и сострадательными в победе. В пылу сражения, помните всегда – эти люди проснулись, оделись и позавтракали этим утром, точно также как и вы. Они не собирались умирать сегодня. Пусть смерть их будет достойной. Похороните их как родных и пометьте их могилы.

Моя главная цель не только захватить линию обороны врага, но и вернуть каждого из вас оттуда живым. Конечно, сейчас среди нас могут быть те, кто уже не увидит лунный свет сегодняшней ночи. Знайте, мы вас похороним с большой почестью и огромным уважением, но пока у нас не будет времени для бесполезной печали. Мы пришли, чтобы вы-

полнить эту работу. Наш дух должен быть крепок как никогда, чтобы принять все испытания нового дня. Не оставим ни капли сомнения противнику: мы – его заклятый враг, и мы его непременно уничтожим. И умирая, наши враги осознают, какие ложные взгляды и убеждения привели их сюда. Так же как мы осознаем свои идеалы и свою веру, которые отстаиваем здесь. Именно поэтому, надо показать им всю силу нашего благородства, нашего достоинства и нашего единства. Война страшная, ужасная, чудовищная вещь, но нам надлежит оставаться людьми и после боя – настолько, насколько это возможно. Помните, мы поступаем справедливо. И если неожиданно настигнет нас смерть, встретим же ее достойно. Наш победный клич будет услышан людьми, и они протянут нам руку помощи, подставят плечо нам в этот непростой час.

Не так это просто, взять и отобрать жизнь у человека. И не должно это быть просто. Я убежден, что если вы отберете чужую жизнь без уважительной на то причины – вы никогда не отмоете пятна крови со своей совести. Если, кто-то из наших врагов, захочет прекратить сопротивление – так помните же – они имеют право, вернуться домой, в один прекрасный день, к свои семьям и жить мирно и счастливо. Мы обязаны не забывать о тех моральных ценностях, которым мы себя посвятили, несмотря на нашу жажду мести. Поэтому независимо от того, что будет дальше, а я думаю, будет мало приятных моментов, просто – выполняйте свою работу. Захватывайте вражеские окопы, берите пленных. Будьте

сильными, смелыми и оставайтесь в живых, если можете.

Теперь вернемся к разговору о нашем броске, через нейтральную полосу. Попрошу не разговаривать, не вставать и не курить, они могут увидеть вас или учуять запах дыма. А если вам нужно отлить, вам придется мочиться прямо в штаны, на том месте, где вы лежите. Тот, кто доберется к вражеской линии окопов раньше, должен будет дожидаться часа дня. Наше главное оружие, кроме нас самих, Гали и Кати, – это неожиданность.

– Товарищ командир, вы все еще боитесь, когда идете в атаку?

– Я? Конечно ж нет! Я участвовал в сражении на Сомме и в третьей битве при Ипре. Так что, нет, я не боюсь. Хотя в Первую мировую я заметил, что каждый раз, как я иду в атаку, в последнюю секунду перед началом адского веселья, у меня появляется стойкое желание отлить. И это совершенно без очевидной на то потребности. Но страшно мне не было.

Мужчины захохотали. Катя шепотом перевела сказанное Гале.

– Послушайте меня, мы все боимся чего-либо, но по-настоящему храбрый мужчина... женщина, – он бросил быстрый взгляд на Галю и Катю, – Тот, кто хорошо знает свой страх, но умеет совладать с ним.

Солдаты, улыбнувшись услышанному, начали переговариваться друг с другом, раскуривать сигареты. Некоторые

возились со своим обмундированием, колдуя над ним по старым солдатским приметам, приносящим удачу. Иными словами, все наслаждались короткими минутами затишья перед боем.

Робби подошел к девушкам.

– Комиссар, – он показал пальцем на свою красную петлицу. Затем, обратившись к Гале, промолвил. – Мы неизменно рады вас видеть.

– Очень приятно.

– Хорошее ружье. – Робби провел пальцами по дулу Галиной винтовки. Он был просто очарован немигающими приветливыми глазами девушки, ее своенравными прядями коротких черных волос, мелодичным голосом и неопишуемой грацией ее походки, которую не портили даже неприглядные армейские брюки. И даже ее привычка, немного отводить голову назад, когда она смотрела ему прямо в глаза, – околдовывала его. Яркое бездонное пламя нежности ее глаз разбудило непреодолимое, неудержимо нарастающее, влечение в его теле.

– Да, очень хорошая. Это винтовка Мосина. – сказала девушка по-русски.

– Она говорит: «Да, очень хорошая. Винтовка Мосина называется», – перевела Катя.

– Очень хорошая, – передразнила ее Галя.

– Галя не говорит по-английски, – объяснила ему Катя.

– А я не говорю по-русски. Ну, пожалуйста, скажите ей, –

произнес Робби, – Мы рады, что имеем честь сражаться бок о бок с бойцами Красной Армии. Меня зовут Робби.

Сказал он это медленно, показывая на себя.

– Робби, – также медленно повторила Галя, как бы смакуя вкус незнакомого слова на своих губах и во рту. Ее губы пытались подстроиться под странные новые звуки.

– Будем сражаться, – заверила его, Катя.

– И удачи вам бою.

– Нет такого понятия, как удача. Мы сами творцы собственной удачи, товарищ Робби. Извините, товарищ комиссар, – широко улыбнулась Катя.

Робби усмехнулся.

– Можно просто Робби. А это мой друг, Джек.

Он огляделся вокруг, но Джек стоял в нескольких ярдах от него и чистил свою винтовку.

Бросок ползком по нейтральной полосе был одинаково утомительным, как и физически, так и психологически. Они преодолевали этот участок земли темпами улитки, осознавая, что малейший шум выдаст противнику их передвижение и подготовку к атаке. Джек чувствовал нарастающий внутри страх, вперемешку с волнением и тревогой, и ему приходилось сознательно сдерживать себя от желания встать и побежать обратно к своим окопам. Они тщательно сверили часы и в назначенное время, Джек, на долю секунды, мрачно за-

глянув в глаза Робби, вскочил на ноги и сломя голову, с криками и воплями, – перемахнул, в мгновение ока, тех пару футов, что оставались до вражеских окопов.

Беги Беги Беги режь режь режь режь убей убей убей, но борись пригнись режь огонь огонь огонь режь режь коли режь звуки взрыва режь режь убей борись режь убей стреляй стреляй куда стрелять перезаряжай перезаряжай подпрыгни выше подпрыгни прямо в Робби бей бей прикладом режь режь огонь огонь перезаряжай присядь присядь присядь ниже бей прикладом ударь бей беги кинь гранату кровь кровь Боже Боже режь убей убей убей убей убей присядь пригнись перезаряди бей бей режь уколи в живот в грудь все ударь подпрыгни ударь, но стреляй огонь огонь убей убей убей кровь кровь умри умри умриумриумриумри убейубейубейубей

Когда, наконец, удалось захватить окопы, всем стало понятно, почему они слышали такие ужасающие звуки ночью.

За передними окопами, дальше линии опорных траншей был участок земли, где они обнаружили своих захваченных товарищей и собак – Бандитто и Лупитто. Все четверо – и мужчины и собаки – были закопаны в землю по шею. Над ними, над каждым из них, установлены импровизированные клетки, прочно закрепленные в земле, что бы из-под них нельзя было выбраться. В каждой клетке все еще сидело по три, злых на вид, диких кошки. Животные причиняли невыносимые мучения и мужчинам и собакам, а те были бессильны себя защитить.

То, что осталось над землей, в каждой клетке, можно было назвать живыми или полуживыми огрызками – разорванные и рассеченные, избитые и изуродованные, размочаленные куски плоти и выдранные наружу глазные яблоки и мозги – кровавое месиво страданий.

Третий пленный находился в клетке, немного большего размера: его привязали плашмя за ноги и руки к толстым кольям, вбитым в землю. Его живот был разрезан, а его гениталии были отрублены. Ему вырвали язык. Кошки продолжали терзать когтями его плоть, отгрызая бесформенные куски мяса.

Одна из собак все ещё была жива – она слабо всхлипывала. Джек догадался, что это Лупитто. В голове мелькнуло воспоминание о том, как этот маленький терьер выпрашивая еду, вставал на свои задние лапы. Галя подошла спокойно к клетке, достала револьвер и оборвала страдание бедного существа. Катя же, холоднокровно расстреляла всех кошек.

Один из фашистов, раненный в живот, лёжа не далее чем в нескольких ярдах, видел, насколько были шокированы солдаты картиной увиденных ими пыток. Джек бросился на него и начал душить. Но Робби подошёл и разнял их.

– Не надо мстить! Мы лучше их, и в этом наша сила.

Однако, повсеместно, одни члены взвода, ликуя и радуясь, мочились на лицо умирающего вражеского солдата, в то время как другие – пытались отрезать пенис другому фашисту, что бы усугубить его агонию и усилить его унижение.

Командир выстрелил в воздух.

— Застрелите тех, у кого слишком серьёзные ранения, но только одним точным выстрелом. Что же касается остальных — относитесь к ним так, как вы бы хотели, что бы к вам относились. Джек Уилкинсон, быстро стогняй к нашим окопам и принеси аптечку.

Несколько дней спустя. За линией фронта. Батальон на отдыхе. Оружие вычищено. Царапины и синяки залечены. Длинные письма домой написаны. Униформа отремонтирована. Отполированы и проверены ружья. Сон. Солнечный свет. Тихо. На акациях набухают почки.

Робби и Галя прогуливались у маленького ручья, что с тихим рокотом, журчанием и фырканием пробивал свой путь, в окружении оливковых деревьев, к небольшой мельнице. Они присматривались друг к другу. Они учились быть вместе. Их плечи и руки соприкасались при ходьбе, следуя синхронному ритму прогулки. Галя вложила свою руку поверх слегка согнутой правой руки Робби, вместе, они продолжали идти все дальше и дальше, пытаясь привыкнуть к новым ощущениям близости.

Внезапно Робби остановился и повернулся к Гале. Он заглянул ей прямо в черные, наполненные душевной теплотой и любовью глаза. Их сердца говорили на одном языке, но этот язык настолько древний, что так никто и не осилил написать

правила его изучения. Они улыбались. Под эти улыбки, их руки непроизвольно коснулись, переплетаясь друг с другом.

– Ты красивая, – сказал Робби.

– Очень красивая, – вторила ему Галя.

Робби показал ей на свои глаза:

– Это глаза.

– Глаза, – повторила за ним Галя по-русски, показывая рукой на свои.

– Это нос, – и Робби протянул указательный палец, что бы коснуться Галиного носа.

– Нос, – сделала Галя тот же жест, пытаясь коснуться носа Робби.

Оба засмеялись.

– Язык, – и Робби высунул свой язык.

– Язык, – повторила эхом Галя по-русски.

Робби протянул свою руку, мягко, нежно и ласково, до-трагиваясь кончиками пальцев до бархатистой кожи на Галиной щеке.

– Твоя кожа очень нежна, – грустно вздохнул Робби.

– Кожа, – отвечала Галя, на своем языке, протягивая свою руку, чтобы коснуться щеки Робби. Прикосновение ангела.

Не замечая нарастающее возбуждение, Робби не в силах отвести свою руку, продолжал деликатно водить пальцами по нежной коже на ее щеке. В глазах Гали мелькнул задорный огонёк. И вдруг, она игриво прикусила его палец, не отрывая свой взгляд от Робби и весело хохоча со своего сме-

лого озорного поступка.

Робби достал из кармана рубашки ломтик хлеба, отщипнул небольшой кусочек и поднес к ее рту. С улыбкой на устах, медленно приоткрыв рот, она взяла хлеб с его рук, на долю секунды коснувшись своим языком его пальцев и нежно придержав их зубами.

Они снова рассмеялись. Не отрывая взгляд, они любовались друг другом. Безгранично долго, продолжительно, нескончаемо – мгновение среди вечности.

– Я хочу тебя, – прошептал Робби.

– Я хочу тебя, – тихо повторила Галя.

– Еще кусочек? – предложил Робби.

– Давай! Давай!

Галя открыла рот в ожидании.

Безостановочно милуясь игриво пляшущим огоньком в ее глазах, Робби, со всей своей нежностью и кротостью, поднес еще один кусочек меж снежно-белых перламутровых зубов, оставив хлеб на теплом влажном языке.

Она глотнула хлеб, улыбнувшись ему.

Позже, как они оба признавались друг другу – в тот момент, им казалось, что время остановило свой бег, застыло, как густой джем, оставив за пределами того мгновенья все слезы пыток и крики страданий, горести потерь и ужас войны.

Они слышали звуки вечности в биении своих сердец, и в тихом бесшумном ритме своих дыханий.

Галя открыла рот в ожидании еще одного кусочка хлеба.

Глава третья: Томми II

*Непокорный, непритворный, но фривольный
В думе вольной.*

*Народ британский, христианский,
С душой убогой по-спартански.*

Такие дела. Я бы так сказал. Помнится мне, во время подготовки к Чемпионату мира в 1966 года, меня спросили в коридоре моей начальной школы: как мне кажется, кто должен выиграть. Нет, на самом деле все происходило не так. Нас было шестеро. Миссис Дуглас, учительница старших классов нашей начальной школы собрала нас вместе, построив перед собой в шеренгу. Ты лучше это представишь, когда я, чуть позже, расскажу тебе, что собой представляла наша учительница. Она вызывала нас по фамилии, и задавала один и тот же вопрос. Пятеро моих одноклассников, один за другим, сказали, что в Чемпионате мира победит Англия. Затем наступил мой черед отвечать.

– Ну, что скажешь ты, Уилкинсон? Что-то ты притих. Кто, по-твоему, выиграет? – спросила она меня, требовательным лающим голосом, со скрытым в нем полунамеком на правильный ответ. Не думаю, что она в серьёз спрашивала об этом. Наоборот, мне показалось, что мое мнение ее не очень-то интересовало.

– Португалия, миссис Дуглас, – ответил я. Хочу заметить, такой ответ, в мае 1966 года, было трудно назвать политкорректным или даже приемлемым. Но, признаюсь, я ответил так, только потому, что читал в отцовской газете о том, что Португалию считали «темной лошадкой» чемпионата. К тому же, я видел Эйсебио по телевизору, по нашему новому телевизору. Его манера игры на поле, сила духа и гибкость ума – пленили мое воображение. Имейте в виду, я никогда не увлекался политикой. Я всегда руководствуюсь своими собственными взглядами, если они у меня на то присутствуют.

Мой ответ не удивил миссис Дуглас. Конечно, внимательно присмотревшись, кто-то бы, мог заметить легкий налет удивления в ее взгляде. Но, несомненно, она давно привыкла к чудачествам незрелых юнцов.

– И почему ты так считаешь?

– Ну, – я нерешительно запнулся. – Ну, я думаю, у них есть все шансы. И Эйсебио – очень талантливый игрок.

– Мм, хорошо! Самостоятельное мышление! – одобрительно рывкнула она.

Я должен объяснить тебе, что получить похвалу от миссис Дуглас было равнозначно тому, как получить Орден Британской империи или Крест Виктории с тремя Пряжками. В 1966 году она считалась преподавателем «старой школы». Что это значит? Сложно это сейчас объяснить молодому поколению, мой дорогой друг.

«Старая школа» – это особый мир. Если бы в 1966 году,

ты оказался в роли миссис Дуглас – это бы означало следующее – ты, нечасто, но абсолютно открыто, мог курить на уроках; регулярно, без сожалений, колебаний и угрызений совести, мог применять телесные наказания за любое малейшее нарушение, и при этом, твои ученики и их родители, завороченные важностью твоей особы, питали бы к тебе безмерные чувства почтения, благоговения и уважения. Нам казалось, что Миссис Дуглас нравилось колотить линейкой наши распростертые ладони. Но то, что ей на самом деле нравилось – это незаурядный, острый и ясный ум. Любознательность. А линейка, и ее притягивающая, харизматическая личность, были ее секретным оружием, оружием нашего воспитания.

Так, за что же мы получали линейкой? Ну, конечно же, за разговоры, во время ее объяснений; за шалости и баловство, на которые только были способны маленькие озорники английской начальной школы; за брызганье чернилами; за броски ластиком по Дебби Чапман; за слишком долгое разглядывание близняшек Тейлор. У Миссис Дуглас была поразительная приверженность к правильности речи. Не забывайте, речь идет о Южном Лондоне. Поэтому мы, непременно, получали линейкой по рукам за все вульгарные слова, коверканые звуки и похабно составленные предложения.

Ее глаза, как будто, становились больше, а волосы, казалось, встали дыбом. Она «сжималась» вся в комок нервов. Сейчас, я бы так сказал об этом, наверное. Делала глубокий вдох, прежде чем сердито выкрикнуть:

– КоЛидор! Ко-ри-дор! Буква «Р» находится там, не просто так, ты – ужасный маленький бездельник. Бог мой, где тебя воспитывали? Или может «воспЕтывали», так правильно будет?! Выходи к доске! – а эта команда означала неизбежное наказание линейкой. Неверные ударения в словах – линейка; пропущенная буква – линейка; пометка в тетрадке – линейка.

Это был другой мир. У нас были чернильницы и те, царапающие бумагу, перьевые ручки. Деревянный цилиндр с мудреным кусочком металла на конце. Никаких запасных стержней. Ответственные дежурные за животными, за растениями и за окнами, дежурные у доски. И мне кажется, что были у нас даже негласные дежурные по очистке ее пепельницы, что бы ни дать той переполнится и высыпать все содержимое на стол. Тогда, в начальной школе, ее внешний вид напоминал мне Черчилля. И я полагаю, в немалой степени, она и воплощала собой поразительную стойкость Черчилля. У нее был решительный подбородок и внимательный взгляд. Она была членом всех спортивных команд в округе. Да, уже с семи лет мы участвовали в спортивных соревнованиях против других школ. Жаль, что я не могу вспомнить ее наставления нашей команде, перед игрой в футбол с соперником в начальной школе. Все, что мне вспоминается, это ее неожиданно щедрая похвала, когда я занял третье место в стометровке на Одиннадцатых финальных общегородских Лондонских школьных соревнований с бега с барьерами. И

в другой раз, когда я забил единственный гол в нашем поражении, 5: 1, от главных, ближайших, и ярых соперников из местной католической начальной школы. (И куда подделось теперь все наше соперничество?) Возможно, она относилась ко мне так потому, что знала, какая судьба меня ожидает. В мои пять лет, мне казалось, что ей симпатизирует моя решительность и упорство, мое желание не сдаваться никогда и никогда не опускать руки.

Да, я знаю! Не говорите мне, что правильно бы звучало – «никогда не сдаваться». Конечно, я переставил слова на свой лад – но вслушайтесь в сам ритм. Отлично же звучит. Может это ямб. Именно так и должна выглядеть эта фраза – «не сдаваться никогда», в противном случае, все основные правила нашей речи не стоят ни гроша. Так же дешевка, как и *Звездный путь*. Смело шагай по жизни – я так и делал, всякий раз, когда мне выдавался шанс, скажу тебе, мой дорогой друг. Все так же делаю сегодня, приятель, особенно сегодня.

Так вот, моя учительница мне точно напоминала Черчилля. Все ее боялись. Даже ее муж, которого я видел всего лишь раз, тоже ее боялся, как мне показалось. Она была загадочным человеком и поэтому, пристальным объектом нашего любопытства. О ее жизни мы знали совсем немного, я имею в виду, о ее частной жизни. Однажды, когда она почувствовала, что наш класс уже привык и полюбил ее (а это случилось, я так думаю, в середине учебного года), мы смогли уви-

деть ее совсем другой – более уязвимой, более чувствительной. Мы узнали, к примеру, что, каждую субботу, она ездит смотреть регби, посещая либо Твикенхем либо Ричмонд. Мы также узнали, что ее первый муж погиб в Эль-Аламейне, а ее второй муж, был его лучшим другом, и она с ним встретилась только потому, что тот принес ей личные вещи мужа в 1946 году.

Знаешь, самое забавное касательно миссис Дуглас было то, что если ты правильно расставлял все ударения в словах, если не «глотал» буквы, не брызгал чернилами на Поля Стеррока, не паялся слишком долго на близняшек Тейлор, не коверкал слова и не марал в тетрадке – ну, тогда ты был для нее бесценен, я бы так сказал. Я многим ей обязан. Она высоко ценила меня, когда как я думал, что я бездарь. Она научила меня говорить. Она дала мне уверенность в себе. И как ни странно, она была причиной того, что я сказал тогда, что Португалия может выиграть Чемпионат мира.

Кто-то может сказать, что она была высокомерной, но это не правда. Она ненавидела высокомерие. Я расскажу тебе одну историю. Уже не помню, с чего все началось, но это случилось в один из неприятных, душных летних дней. Нам было примерно девять или десять лет. Девять или десять, нам казалось, что мы становимся мужчинами. Девочки думали о том, как им хочется стать женщинами, хотя они понятия не имели, что это значит, к чему это ведет, и что для этого нужно делать. Я помню, Стивен Фостер, главный школьный

хулиган, любил «доставать» меня тогда. Знаешь, теперь не вспомню по какой причине. Возможно, я обидел его своим острым, как бритва, языком. А может, он просто не любил умных, тощих, сухопарых выскочек, как я. А может быть, я что-то съехидничал о нем. Стивен дрался с парнями раз в неделю, а выбрал он их (по понедельникам) как мне казалось, совсем случайно, и всегда по пятницам у нас была драка. Вот такая была у него причуда, или «пунктик», как говорят сейчас. А хуже всего было то, что выбранную «жертву» он объявлял заранее, в понедельник утром. Так что названный бедняга вынужден был всю неделю думать о том, что произойдет в пятницу, в обед, в назначенное время.

В свои девять, Стивен был рослым мальчиком, этакий парень-гора, из плоти и мышц. Опасная гора Эверест, для таких как я. Его рыжие волосы и его веснушки до сих пор стоят у меня перед глазами. Я вижу, как наливалось кровью его лицо от злости и напряжения, когда он бросался на «жертву» своей медвежьей хваткой.

Я всегда старался обходить его стороной. До сих пор, прожив столько лет, так и могу вспомнить, что я тогда такое сделал, чтобы спровоцировать его. Именно в ту конкретную неделю. Почему же он меня выбрал. Но все пошло по-другому, неожиданно для всех, несмотря на мои мелкие размеры.

Крав-мага. Я не знал тогда о ней. Я много чего еще не знал. Но теперь я люблю крав-магу. Мне нравится, что она совсем не похожа на карате, дзюдо или тхэквондо. Не похо-

жа на все, то позерство, самолюбование, манерность, фальшивую элегантность, замысловатость, притворную эстетичность всех техник самообороны или «боевых искусств», как они любят о себе говорить. Мне нравится в крав-маге то, что тебе не нужно напяливать на себя нелепый костюм, в котором ты похож на придурка. С самого первого урока, я полюбил крав-магу – тогда я узнал, зачем необходимо носить с собой полупустую стеклянную пивную бутылку, гуляя поздно ночью опасными темными городскими улицами. Так же практично. И так же дешево. Особенно, мне пришлось по душе два основных принципа крав-маги:

1. Доберись домой целым и невредимым.
2. Избегай конфликтов.

Любая техника самообороны, которая базируется на таких двух основополагающих принципах – это моя техника самообороны. Да, я не догадывался тогда о существовании крав-маги, но всегда инстинктивно следовал ей. И то, как я поступил со Стивеном, нашим школьным хулиганом, – это и была крав-мага.

Крав-магу пока не признали олимпийским видом спорта – и это хорошо. Все хорошее в нашей жизни пока не признано. Если признают олимпийским видом спорта пляжный волейбол, тогда придется признать таким и мастурбацию, хотя, не знаю, как там придется выбрать победителя. Очевидно же, не по скорости или количеству эякуляций, мне кажется. Возможно, там вообще понадобится судейское жю-

ри, как в гимнастике или в прыжках в воду. А вот еще, почему бы не признать олимпийским особое английское пятиборье: выпиваем 16 пинт пива; находим незнакомого человека, что бы подраться с ним; пугаем женщин на улицах; изображаем несколько приступов ксенофобии и, наконец, выливаем горячий карри на голову униженного официанта. Нужна медаль наверняка – тогда еще insult. Наши постоянно бы завоевывали золото. Соревноваться нужно по-настоящему.

Крав-мага учит: если ты столкнулся с трудной ситуацией – у тебя есть три альтернативы. Беги, борись или умри.

Чуть позже, я начал использовать эти принципы крав-маги в моих отношениях с женщинами, но об этом я расскажу чуть ниже. Увы, они не работают, когда речь заходит о человеческих отношениях. Во всяком случае, теперь мне приятно вспоминать о школьных хулиганах, в больших начальных школах Южного Лондона.

Мне приходилось видеть, что случалось с «жертвами» Стивена. В конечном итоге, все заканчивалось слезами, соплями, разбитыми, распухшими и окровавленными носами и губами. Раздавленные и униженные перед всей школой, они стояли в кружении своих товарищей, сгорая от позора и сплевывая кровь. Я также видел, как другие убегали. Что было очень неудачной идеей, если тебе и дальше приходилось посещать ту же школу, и ты хотел бы ходить, по ее коридорам, не прячась, с высоко поднятой головой.

Видел и яростное сопротивление. Но попробуй еще по-

бейся так, как сделал это Стивен – с его пудовыми ударами, железными захватами и меткими пинками. В итоге, и у этих смельчаков все заканчивалось теми же слезами, кровоподтеками, синяками и унижением. Единственной карой для Стивена была миссис Дуглас, с ее неминуемым возмездием. Школа властвовала над Стивеном, а Стивен, вовсю, властвовал на школьном дворе. Но, ничто не останавливало его бесчинства.

Беги. Борись. Или умри.

Всю ту неделю я много времени проводил в одиночестве, прячась от всех. На нашем школьном стадионе, не доходя до футбольного поля и беговой дорожки, находилось, ты не поверишь что, – настоящее бомбоубежище. Но нам не разрешали в него заходить, и конечно поэтому же, мы туда лазили. Бомбоубежище было отличным местом для уединения. Немногим нравилось там бывать. Там воняло мочой, вокруг все было завалено неопикуемой грудой мусора, и ходили слухи, что в темных пыльных углах обитали жуткие призраки мертвых пилотов и погибших в войну семей. Пятница все равно наступила, как и обычно, за четвергом. И я, медленно и с огромной неохотой, покинул свой бункер, выйдя навстречу своей судьбе.

Я проскользнул и затаился в кустах, у входа на игровую площадку. Наверное, это Ивонн нашла меня там и рассказа-

ла, что приходил Стивен и искал меня. Оставалось, может быть, не больше десяти – пятнадцати минут до конца обеденного перерыва. Да, именно, обеденного перерыва. Миссис Дуглас учила нас, необразованных бездельников, называть его именно так – «обеденный перерыв», а не «пора-похавать», как мы имели обыкновение сказать.

К тому времени уже вся школа собралась в круг, на игровой площадке. Мне жаль сейчас, что я тогда не подмигнул Ивонн и не сказал ей, как надо было бы ей сказать: «Детка, пора мне в бой». Увы, но я этого ей не сказал. Ничего, я скажу эти слова в моем автобиографическом, пока еще не снятом, голливудском блокбастере. Хотя, скорее всего, мне светит роль только в мультфильме «Мистер Мэн», в роли Мистера Неадекватность. Или роль Мистера Болвана, судя по тому, как все далее обернулось. Я, просто, ходячее стихийное бедствие, а не человек. Вот кем я был. Мистер Неудачник. Но тогда, я еще не знал всего о себе. И, наверное, не понимал этого. Я был архи слабым тихоней.

Все, что я помню сейчас, это как оружие ученики вытолкали меня на средину круга, лицом к лицу с человеком-горой. Моя успешная тактика избегать с ним встреч всю неделю, еще более его разъярила. За прошедшие пять дней, он так ни разу меня не увидел. Помню, как сейчас – я стоял там, мгновенно застыв на месте. У меня мелькнула мысль, что Стивен был чем-то похож на того мальчика, который так щедро «пополнил» мою коллекцию марок всего несколько

лет тому. И я не мог сдержать своего удивления: «Почему я? Что такого, возможно, я сделал, чтобы оправдать твой гнев? Почему же именно я? Я никогда даже не разговаривал с тобой». Также, я думал о двух моих младших сестрах: Джули и Кэролайн, в тот момент наблюдавшие за происходящим. Я был тогда для них непоколебимым авторитетом (хотя и без оснований на то), они считали меня богом (ошибочно, как оказалось). Я не мог позволить себе разочаровать их. К тому же, что бы ни случилось тогда в школе, они бы донесли все вечером маме и папе.

Я прекрасно знал, что в честном бою мне не победить Стивена. Я видел, что было с теми, кто пытался. Я понимал также, что нельзя бесконечно от него скрываться, так что нужно драться и терпеть всю тяжесть позора. И пока, я пытался скинуть с себя сковывающий меня страх, что-то изменилось в моем сознании, я – маленький, ловкий, шустрый – начал подходить к Мистеру Эверест. Я не горжусь тем, что произошло потом. Даже сейчас, когда я это пишу, я плачу.

Как лучший нападающий Англии, я резко занес свою правую ногу и ударил его прямо в пах. Он резко опустил руки, его лицо мгновенно стало пунцовым, и он согнулся пополам. Схватив его за голову, я, что есть мочи, нанес удар коленом по лицу. Он слегка выпрямился, так что, теперь моя голова оказалась на уровне его лица, и я быстро и сильно боднул его в переносицу. Затем, со всех ног, я бросился наутек.

Я убежал, не потому, что боялся Стивена – думаю, я сло-

мал ему нос. Я убежал, опасаясь миссис Дуглас. Я спрятался в нашем бомбоубежище, мой дорогой друг.

Я замер. Я боролся. Я сбежал. Я не избавился от проблемы. Доберусь ли целым домой?

Через несколько тревожных минут, я услышал звонок, который объявил о завершении обеденного перерыва. Затем звук колокольчика, это дежурный обходил школьную площадку, извещая всех о начале уроков. Дальнейший побег я даже не ставил под сомнение. Я должен был покинуть это мрачное, жуткое, хотя и безопасное бомбоубежище и получить свое заслуженное наказание в школе.

Но этого не произошло.

Во второй половине дня, Миссис Дуглас вовремя переключки, назвав мое имя, просто остановилась, и строго сказала:

– Уилкинсон, встань!

Я поднялся.

– Уилкинсон, не все так просто в этом мире, как тебе сейчас кажется. И в будущем, попытайся играть по правилам. Но никогда, никогда, никогда не пасуй перед хулиганами. У хулиганов нет монополии на справедливость.

– Да, миссис Дуглас. Спасибо, миссис Дуглас.

– Вот и хорошо, Уилкинсон. Я чувствую, что мы с тобой родственные души. Ивонн – принеси словарь, пожалуйста!

Вот так это и было. Больше Стивен не «доставал» никого. Я надеюсь, что он хорошо относится к своей жене и детям. И надеюсь, что у него тоже есть хорошая история, поведать нам.

Глава четвёртая: Галя I

Закончив с работой, и сжег все тела, вывезенные из лагерей к западу от Киева, они три дня маршировали в западном направлении. Старый Тувий, чья задача была вести подсчет, так как его искалеченные ноги не позволяли ему выполнять любую другую работу, доложил офицеру СС:

– Девяносто две тысячи семьсот семьдесят.

Офицер СС кивнул, достал свой пистолет и выстрелил Тувию меж глаз.

– Девяносто две тысячи семьсот семьдесят один, – сказал он, широко улыбнувшись унтер-офицеру, который что-то тщательно записывал в толстом черном блокноте, хранившем в мельчайших деталях все секреты полка.

– Чертовы евреи. И вся эта, чертова, бумажная возня.

Труп Тувия облили бензином и подожгли, вместе с другими.

И так, наш переход начался.

Запоздавшее майское солнце снова пробуждало к жизни природу, и Галя практически забыла о своем выбитом глазе и сильной боли в правой ноге, окунувшись в свои воспоминания о солнечной Испании, и о веселых пикниках в лесу в окрестностях Ульяновска, в компании родителей и ее сына, Никиты. Мысль о том, что Никита сейчас в безопасности, в родительском доме, далеко на востоке, утешала и подбадრი-

вала ее.

У нее было какое-то странное чувство. Неуловимое. Смутное. Его было трудно понять и объяснить. Все три дня похода, обычно после обеда, они им периодически казалось, что они слышат за своими спинами, в стороне, где был спасительный восток, отдаленный грохот артиллерии. Иногда это был даже не грохот. Просто мимолетная дрожь земли, легкая пульсация, которая казалось, приближается сюда, в этот оживший край, страстно жаждущий прихода лета. Пульсация, приносящая смерть их врагам, но жизнь и надежду для них. Грозный окрик сопротивления, который доносится к ним тихим шепотом обещания, мягким облаком надежды.

Но, может, это была просто гроза.

– Наши ребята отомстят вам, фашистская сволочь, – зло усмехнулся Исаак, адресуя свои слова одному из охранников.

Его, как и Галю взяли в плен под Сталинградом. За те слова Исаака расстреляли в этот же день, кинув на его обочине. Охранник выстрелил дважды, как будто издеваясь: один раз в пах, а второй – в колено. Его оставили там умирать, продолжив путь колонны на запад. А Исаак, преодолевая боль, продолжал широко улыбаться – нет, это не могла быть просто гроза.

К концу второго дня, во время остановки на отдых, для того что бы немцы могли сделать кофе и покурить, Галя, присев на обочине, любовалась окрестностями, очень глубоко-

ко вдыхая сладкий летний воздух, что казалось, он заполнял каждую мелкую клеточку ее истерзанного организма.

«Каким же прекрасным мог быть этот мир!», – подумала она про себя. Я все еще жива – и это моя личная победа. Продолжать жить – вот наша победа. Птицы наполняли воздух веселым чириканьем, распускались молодые листья и цветочные бутоны тянулись к солнцу, и Галя мгновенно воспряла духом. Прошлое уже казалось таким далеким, как неизведанная галактика, настоящее оставалось ужасным, как страшный сон, но будущее уже маячило яркими золотыми лучами надежды и предвкушением радости.

Еще во время работы в концлагере, ходили слухи, что большое немецкое соединение попало в окружение, и было разбито под Сталинградом, но Галя не могла проверить, было это правдой или нет. Но если даже это был и вымысел, все равно так должно было, скоро, случится. Скоро. Очень скоро. Катя верила в это, нежась в теплых лучах солнца.

Она закрыла единственный левый глаз, оплакивая Робби и Катю и миллионы других, чьи имена она не знала. Жив ли Робби? Жива ли Катя? Где они сейчас? Чувствуют ли они на своих лицах этот ласковый солнечный свет? Ранен ли Робби или, может, сейчас его изувеченное мертвое тело покоемся где-то на дне Северного Ледовитого океана? А, может, он и жив, и сейчас смеется с Джеком, вспоминая о ней?

А Катя, моя дорогая Катя? Может и она в плену сейчас,

как и Галя? Может, как Галю, тоже ее пытали? И, может, ее медленно разлагающийся труп гниет под обломками Сталинграда? Но, ведь может оказаться, что она – Катя – и есть частью тот далекой «грозы», что неуклонно следует за ними?

Солнечный свет, пора года, и даже время суток – напоминали ей о том дне, на холмах с видом на реку Эбро, когда она впервые почувствовала нежное прикосновение пальцев Робби на ее лице. Она коснулась рукой своего правого глаза, прикоснувшись к пульсирующей зарубцовывающейся впадины, там, где когда-то был ее правый глаз. Она оторвала полоску ткани от своей униформы и перевязала свой правый глаз, обмотав ткань вокруг головы, чтобы скрыть никак не незаживающую рану. Повязка быстро напиталась кровью и гноем, что обильно сочились из пораненной глазницы.

Когда в СС узнали, что она правша, они выкололи ей правый глаз, расковыряв его коктейльными палочками, припав окурками и довершив дело штыком. Эсесовцы говорили, что так они поступают со всеми захваченными снайперами Красной Армии, к тому же евреями, да еще и комиссарами. Но Галина победа заключалась в том, что она не выдала свои страдания. Молча, не издав ни звука, она отстаивала свою свободу совести и духа.

А если Катю взяли в плен, думала Галя, или, даже, убили, Галя надеялась, что та недолго страдала. А если умер Робби, или вот умирает где-то сейчас, она надеялась, что у него тоже была легкая смерть, и умер он с ее именем на устах. Не

смотря на интенсивную пульсирующую боль в глазу, и резкую боль в своей правой ноге, она не смогла сдержать улыбки, осознав весь свой эгоизм. Эсесовский доктор подрезал ее связки: «Что бы ты больше так быстро не бегала, товарищ комиссар!».

Она снова улыбнулась, вспомнив, партийный завет о том, что личные желания должны быть подчинены революционным нуждам пролетариата. Мысль о том, что их с Робби любовь полностью соответствовала идее и духу революции, совсем развеселила ее. Забавно же! Так бы сказал Робби, подумала она.

В Испании она и Робби были как в раю, но теперь, когда их разделила судьба, она чувствовала себя хромым Циклопом. Она – профессиональный снайпер, но теперь без винтовки, снайпер, который не может бегать и не может принять никакого решения о том, куда ему идти, когда ему идти и, вообще, зачем ему куда-то идти. До сегодняшнего дня, ужасная ирония судьбы давала ей только повод посмеяться над всей абсурдностью происходящего. Как только охранники начали подымать группы пленных, чтобы возобновить переход, она подошла к раю дороги и опустилась на колени, очень осторожно, очень аккуратно и очень бережно вырвала четыре незабудки – одну для Робби, одну для Джека, одну для Кати, и одну для Никиты.

Когда они, наконец, вышли к железной дороге, они не увидели станции. Это была просто поляна в лесу, на которой

стояло с полдюжины деревянных барачков, разбросанных по обеим сторонам колеи – они увидели там массу перепуганного народа. Массу, подавленного духом, издерганного тревогами, разрозненного и загнанного, оторванного от своего дома и своей повседневной жизни, народа. Угнетенные, избитые, приневоленные прозябать в ужасных гетто люди. Людская масса, синхронно наблюдающая за черными и темно-зелеными мундирами, в чьих руках и в дулах автоматов держалась их нить жизни.

На взгляд, единственного глаза, Гали, эта масса народа состояла, в основном, из небольших семейных групп. Слишком тепло, для этих майских жарких дней, одетые, обвешанные тяжеленными чемоданами, покорные и безвольные люди, готовые стойко сносить все тяготы судьбы, что им была уготована. Кто следующий? Всем своим видом, казалось, они говорили: мы готовы. Своим большим сердобольным сердцем Галя хотела бы их всех утешить. Она безуспешно пыталась постигнуть страдания этих тысяч людей, собравшихся на этой поляне. Этой маленькой обособленной капли человеческой реки. Их пригнали сюда пешком и скоро посадят на поезд, следующий в неизвестное, непостижимое и до смерти ужасное будущее.

А пока, эти люди ожидали здесь своей участи. Галя увидела одного маленького ребенка выпрашивающего у своей мамы сладости, которые, непременно, появились из-под многочисленных слоев ее одежды. Здесь, разделившись на неболь-

шие группы, мальчишки играли в мяч или в прятки. Девочки играли в классики. Галя увидела, как еще одна группа детей развлекала себя игрой «Я шпион». Собрав остатки своего остроумия, она представила, как бы могла выглядеть эта игра с точки зрения «черного» юмора, учитывая окружающую обстановку.

– Я шпион, с маленькой лупой, что-то начинается на букву «С».

– СС.

– Я шпион, с маленькой лупой, что-то начинается на букву «Е».

– Einsatzgruppen.

Мы пока живы, подумала Галя. И я жива. И я все еще могу смеяться.

Наблюдая за этой многотысячной толпой, Галя размышляла о том, что эти люди, всего лишь год назад, жили своей беззаботной семейной жизнью, вместе веселились, вместе молились, играли в карты или шахматы или ели мороженое. Эти мужчины, она знала наверняка, в той своей жизни, работали сантехниками, пекарями, стоматологами, почтальонами, бизнесменами. Преподаватели литературу или трудились на заводах. Но, теперь, все эти полезные, с точки зрения человеческого прагматизма, их социальной ценности и целесообразности, навыки, их незатейливый шарм повседневной рутины – были цинично стерты и уничтожены. Простой, но этим и прекрасный, жизненный уклад огромного множества

людей по всей Европе был безжалостно разрушен. Уничтожен. Выжжен. Растоптан. Унесен бушующим кровавым потоком ненависти.

По рваным лохмотьям Галиного одеяния уже сложно было распознать солдатский мундир, но, все же, несколько человек подошли к ней, заметив жалкие остатки ее красных петлиц на воротнике. Они все жаждали услышать ее советы и инструкции, получить ее указания. Но, что она могла сказать им, сама не зная ничего? Галя чувствовала что устала, она до смерти устала, замученная

пытками, изнемогающая от разлуки со своим любимым мужчиной и сыном. Собрав в кулак остатки своего духа, она старалась приободрить людей, которые так нуждались в ее поддержке.

– Товарищ комиссар. Что будет с нами? Куда они нас ведут? Немцы взяли Сталинград? А, правда, что их армию окружили и вынудили сдаться? А что это за раскаты грома, на востоке?

Галя рассказала им все, что слышала и знала сама.

– Что нам делать?

– Я тоже слышал, ходят слухи, что фашисты потерпели поражения под Сталинградом, – вставил свои несколько слов пожилой мужчина.

– Но у нас нет никакой возможности узнать, правда ли это, – сказал еще кто-то.

– Говорят, что Красная Армия наступает на всех фронтах.

– И, что Америка тоже вступила в войну.

– О, да, – улыбнулась Галя, – а еще говорят, что специально обученные английские десантные подразделения, каждое со своим комиссаром, а также, со своим специально обученным раввином, с минуты на минуту высадятся здесь, что бы остановить наш отъезд из этого лагеря. И забрать нас всех в санаторий на французской Ривьере, который был забронирован нашим чудесным СС, в порыве их мудрости и милосердия, для всех пленных советских граждан, военных и гражданских, евреев и не евреев.

Договорив эти слова, Галя лихо щелкнула каблуками и повоенному, отдав честь рукой.

– Это официальная позиция партии. Сам товарищ Сталин рассказал мне об этом во сне прошлой ночью, поэтому это правда.

Все громко засмеялись.

– Но товарищ комиссар...

Галя скорчила смешную гримасу.

– Я для вас не комиссар. Я просто Галя.

Женщина улыбнулась.

– Но товарищ Галя, что нам делать?

– Жить. Радоваться. Радоваться и жить, это и есть, залог нашей победы.

– Но Галя...

– Оглянитесь вокруг. Природа просыпается от зимней

спячки, и это не зависит от воли и желаний этих фашистских ублюдков. Победа и возмездие непременно будут за нами.

Лица небольшой группы людей, которые собралась вокруг Гали, выражали твердую решимость и нестигаемую волю к любым вызовам их туманной судьбы.

– Давайте споем *Интернационал*, – предложила одна из женщин, на вид, несколько моложе Гали.

– Нет, оставим это на потом, если ситуация ухудшится, – ответила Галя. – Давайте просто будем громко смеяться, чтобы показать им, что мы все еще живы. Она секунду помолчала. – И когда британские десантники придут, я настаиваю, на правах вашего комиссара, немедленно доставить ко мне их командира для координации нашей антифашистской операции.

Услышав шутку, все громко рассмеялись, наблюдая, с широкими улыбками на лицах, как Галя комично им козыряет.

– Мои дорогие товарищи, мои любимые сограждане, я бы подмигнула вам но, эсесовцы, наверное, запретили большевикам подмигивать.

Эта шутка еще больше развеселила людей.

Становилось все хуже.

После ночи чуткого, прерывистого сна на поляне, ярко освещенной прожекторами, и патрулируемой охранниками со злыми, сердито рычащими собаками, в восемь утра прибыл поезд.

– Ой, похоже, мы поедем пятым классом, – иронично про-

комментировал средних лет мужчина, который стоял возле Гали.

Галя кивнула ему в ответ. Она пересчитала проезжающие мимо вагоны. Сто пятьдесят. Вагоны-скотовозы. В течении двух сумасшедших часов невероятной суматохи, после того как был отдан приказ на погрузку, пленных заталкивали в эти вагоны. Суровый приказ не подлежал обсуждению, поэтому всех, кто жаловался, или выказывал даже малейшее нежелание, расстреливали просто на месте.

Ситуация все больше ухудшалась.

Одна женщина, лет тридцати, своим резкий громким голосом, контрастно выделявшимся на фоне гомона толпы, потребовала у охранника разрешения поговорить с командиром. У ее дочерей-близнецов была крайняя степень истощения мозга, и им было необходимо, прилечь в дальней поездке.

Девочек тут же расстреляли. Женщину раздели и привязали к капоту эсесовской машины. Но даже после этого та не прекращала громко возмущаться, что веревки на ее запястьях и лодыжках были слишком туго затянуты.

Немецкий солдат взял штык и сделал два косых глубоких надреза на ее бедрах. Потом, он резким рывком вспорол ей живот, закончив экзекуцию двумя большими надрезами на ее груди. Затем, на нее спустили собак.

Галя все видела и внутри себя она еле сдерживала рыдания.

На дворе стоял жаркий, невообразимо душный день. Ни кто из них не ел и не пил со вчерашнего вечера.

Когда один молодой парень просил воды для своей беременной жены, ему пришлось наблюдать, как эсесовцы закололи ее штыками в живот. Парень дико захохотал. Он бросил жену на пол. Больше не было ни тени эмоций на его лице. Он просто стоял и смотрел, как собаки наедаются досыта, кромсая плоть его, так и нерождённого, ребенка.

Поспрашивав людей вокруг себя, Гале удалось раздобыть у семьи, недавно вывезенной из киевского гетто, клочок бумаги и карандаш. Она чувствовала, что должна хоть что-то написать Никите. Она надеялась, что это письмо, в один прекрасный день, все же попадет к нему. Минут десять она увлеченно писала, потом сложив свою записку, сунула ее в руку машинисту. Он был русским, и обещал, что сделает все от него зависящее, чтобы передать ее письмо лично Никите, если ему представится такая возможность по возвращению на восток. Теперь, когда у нее оставался один глаз, ее ориентация в пространстве значительно усложнилась, поэтому она писала медленно и местами практически неразборчиво, но старалась изо всех своих сил. Она обязана была написать. И она продолжала надеяться, что пускай с задержкой, не смотря на ужасную неразбериху войны, ее письмо все равно доставят ее родителям в тот далекий восточный край. Ей приходилось писать очень быстро: продержав людей на поляне, так долго, без еды и без воды, фашисты теперь пытались мак-

симально быстро загрузить поезд.

Становилось все хуже. На воротах вагонов-скотовозов было четко указано, что каждый из них предназначался для перевозки шестидесяти коров. Галя подсчитала, что в ее вагон фашисты затолкали примерно двести человек.

Ее насильно загнали, с сотнями других людей, в вагон, где ехать можно было только стоя, в невыносимой жаре, без грамма воды и кусочка пищи, и Галя серьезно задумалась, смогут ли эти люди, вокруг нее, достойно сохранить свое человеческое подобие в таких условиях. Она представила то большое количество времени, что пройдет, прежде чем они достигнут цели своего путешествия. Людям захочется в туалет, но придется это делать там, где они сейчас стоят. Некоторые умрут от обезвоживания или просто от истощения. А другие умрут из-за отсутствия надежды. Некоторые станут невыносимо тяжело оставаться в этом мире. Но мы *живы*, подумала про себя Галя. Мы должны выжить. Кто если не мы?

Галя знала, что любить другого человека – значило любить его запах. А отказать в любви своим попутчикам, означало бы отвергнуть самую суть этого большого чувства, которое она пыталась к ним, несмотря на попытки фашистов привить ей острую неприязнь ко всем и всему. Кал и моча еще раз доказывали, что мы живы и мы здесь. Размышляя, Галя улыбалась своей новой неожиданной мыслью: я хожу в туалет, значит – я живу.

Она громко и четко произнесла:

— Товарищи, мы должны научиться ладить друг с другом в этих условиях. Мы должны общаться друг с другом. Мы должны поддерживать друг друга. Давайте споем. Я начну петь первую строчку, и вы будете повторять ее. Пожалуйста, если у вас остались еще силы и энергия.

Галя запела:

Не считай свой путь последним никогда!

Они услышали, как захлопнули ворота их вагона, и задвинули до упора засов.

Галя пела.

Вспыхнет в небе и победная звезда!

Протяжный гудок поезда.

Галя пела.

Грянет долгожданный час и дрогнет враг!

Окрики на немецком чередовались с гудками поезда.

Галя пела.

Мы придем сюда, чеканя твердо шаг!

Женщина, в передней части вагона, зашлась горькими рыданиями.

С южных стран и стран у северных морей,

Они чувствовали, как огромные колеса поезда медленно, медленно, медленно, *lente, lente, currite noctis equii*, начинают вращаться, оставляя лишь неясную догадку о направлении их бега.

Мы здесь вместе в окружении зверей.

Звук непроизвольной рвоты достиг из дальнего угла вагона.

Где хоть каплю нашей крови враг прольет,

Через разохшиеся планки стен вагона Галя видела: отблески света, красивую пятнистую зелень, а если закинуть вверх голову, то можно было увидеть и солнце, проглядывающее в щели на крыше.

Галя пела.

Наше мужество стократно возрастет!

– А сейчас давайте все вместе, – объявила Галя.

Не считай свой путь последним никогда!

Проплывающие мимо поля мелькали в странном калейдоскопе цветных размытых пятен.

Мы все еще живы, подумала Галя. Я жива. Мы призываем услышать наше горе и наши страдания. Станет ли наше положение все дальше ухудшаться?

Глава пятая: Джек II

В то серое утро Робби, Джек, Галя и Катя прошли маршем от Казарм Ленина через весь город до площади Каталонии. Окружающая их поход атмосфера была похожа на странную смесь из гордости и печали. Радость и грусть читались на лицах мужчин и женщин со всех уголков нашей планеты. Горькие рыдания, попеременно, крайне неожиданно, приходили на смену залиvistому смеху. Сладко-горький вкус решительности и отчаянья смешивался с ощущением фатальности. Казалось, что что-то внутри них оборвалось сегодня, что-то умерло. Некоторые не скрываясь, плакали. Другие, расправив плечи, гордо и дерзко печатали свой шаг.

Повсеместно, вокруг себя, Джек видел большое количество флагов и транспарантов. Часть из них – это написанные от руки лозунги на испанском или каталонском языках, еще одна часть – это флаги и знамена военных отрядов. Заметил он там и флаг Советского Союза, с его хорошо узнаваемым серпом и молотом. Но, над всем этим буйством красок безраздельно властвовали яркие красно-жёлто-синие тона триколора Испанской Республики. Джек задумался о том, как долго еще флаг свободы будет реять над Барселоной. И если так случится, что это знамя вырвут преступной рукой, сколько снова потребуется времени и усилий развернуть его полотнище навстречу нежному средиземноморскому бризу

или порывистому борею, высоких пиренейских вершин или свирепому шторму мрачной зимней поры. Сможет ли он снова свободно взметнуться в лазурную высь?

Катя чувствовала ту бурю эмоций, бушующую сейчас в голове Джека, она нежно коснулась его руки и прошептала:

– Мой друг, мой дорогой, что так взволновало твою душу?

– Все это! – отрывисто ответил Джек, стараясь сдержать свои слезы. Широким жестом левой руки он обвел площадь.

– Я понимаю тебя, Джек. – Катя вытянула правую руку Джека из кармана его брюк и прижала к себе. – Джек, в один прекрасный день все наладится.

– Я надеюсь, что ты права, Катя. Надеюсь, что права. Но, быстро это не случится, – он помедлил, окинув взглядом площадь и добавил, – Этот день наступит еще не скоро.

Пока толпа ждала обещанную речь с балкона в северной части площади, низкое, ритмичное пение начало медленно нарастать где-то вдали и теперь накатилось, как стремительная морская волна, на ближние ряды собравшихся воинов:

El pueblo unido jamás será vencido!

El pueblo unido jamás será vencido!

El pueblo unido jamás será vencido!

Даже Джек, как правило, очень сдержанный, в этот раз не устоял перед искушением поддержать всеобщее пение. Тень неподдельной печали окутала его лицо. Как будто по зову народной толпы, маленькая фигура появилась на балконе. Стало ясно, что сейчас начнется выступление. Люди приго-

ТОВИЛИСЬ СЛУШАТЬ.

– *Очень трудно расставаться с героями Интернациональных бригад, зная теперь, кто они, и как дороги и ценны они нам. Чувство печали, бесконечная скорбь сковывает наши сердца – печаль о тех, кто покидает нас. Нам грустно расставаться с вами, солдатами с наивысшими человеческими и моральными качествами, изгнанниками*

в своих странах, преследуемыми тиранами всех народов. Мы оплакиваем тех, кто навеки остался здесь, погребенный в нашей испанской земле. Мы будем вечно хранить память о них в глубинах нашего сердца, разделяя чувство безграничной благодарности их подвигу.

Робби что-то прошептал на ухо Гале, легонько ткнул ее пальцем в бок, и она рассмеялась. Они были неразлучны, наслаждаясь последними часами, которые им оставалось провести в компании друг друга. Джек и Катя, оба целомудренно скрестив руки на груди, стояли немного поодаль, изредка обмениваясь шепотом короткими репликами.

– *Вы приехали к нам со всех стран и континентов, как наши братья, как сыновья бессмертной Испании; и в самые тяжелые дни войны, когда столице Испанской Республики угрожала опасность, именно вы, доблестные воины Интернациональных бригад, помогли спасти город вашей самоотверженностью, вашим героизмом и вашей готовностью пожертвовать собой. Харама и Гвадалахара, Брунете и Бельчите, Леванте и Эбро, воспевают беспримерное мужество,*

абсолютную самоотдачу, отчаянную смелость, и военное мастерство мужчин из Интернациональных бригад.

Робби и Галя еще крепче сжали свои руки. Джек сказал Кате:

– Она должна также сказать и о женщинах-воинах!

– Они никогда не скажут, – пробормотал Катя себе под нос. – Как будто нас не существует, но мы здесь. Я лучший стрелок, чем ты, Джек Уилкинсон.

– Даже не буду спорить, Катя. – Он игриво толкнул ее в бок.

– Впервые в истории борьбы народов, произошло событие, захватывающее дух своей величием, – формирование Интербригад, для отстаивания свободы и независимости нашей страны – свободы и независимости нашей Испании.

Галя заплакала от мысли о долгой разлуке, которая предстояла им с Робби. Джек сильно сжал руку Кати, в бессмысленной попытке передать ей часть своей силы, мужества и выносливости, что наверняка потребуется ей в будущем. В ответ, Катя еще сильнее сжала его руку. Она предчувствовала, что Джеку было уготовано судьбой. Катя была сильной, ее силы хватило с лихвой на двоих.

Из прилегающих улиц вокруг площади Каталонии были слышны отдаленные, несмолкаемые звуки аплодисментов, нарастающие по мере продвижения вдоль Рамблас, и парящие по воздуху одой памяти борцам за свободу.

– Коммунисты, социалисты, анархисты, республиканцы – люди разных цветов кожи, диаметрально противоположных идеологий, непримиримых религий – но, все безмерно любящие свободу и справедливость, прибыли к нам, чтобы протянуть свою руку помощи. Они отдали нам все без остатка: свою молодость и свое здоровье; свои знания и свой жизненный опыт; свою кровь и свою плоть; все свои надежды и чаяния, – и взамен они ничего не просили у нас. Да, нужно сказать, единственное, что они настойчиво требовали – быть удостоенными чести умереть за нашу свободу.

– Я так рад, что я жив! – ненароком громко сказал Робби, обращаясь к Гале, так, что эту фразу услышали Джек и Катя. Они широко улыбнулись этим словам, безмолвно поддержав его мысль своими одобрительными улыбками. Галя развернула лицом к себе Робби, и одарила его долгим и страстным поцелуем. Это был поцелуй влюбленных, которым предстояло расстаться на многие, многие годы.

– *Флаги Испании! Рейте во славу героев! Принадите к земле перед нами!*

– Джек, – промолвила Катя, – присматривай за Робби, я боюсь, что его идеализм не приведет его к добру.

Вместо ответа Джек пожал ее руку. Робби и Галя не переставали обнимать друг друга и о чем-то перешептываться.

– *Матери! Женщины! Пролетят годы, и затянутся раны, нанесенные этой войной, память об этих печальных и кровавых днях раствориться в пучине повседневной жизни*

– но, жизни свободной, мирной и благополучной; ненависть поблекнет; и гордость за свою свободную страну разделит каждый испанец. Напоминайте вашим детям, рассказывайте им, об этих мужчинах и женщинах из Интернациональных бригад.

– Мы всегда будем это рассказывать всем! – сказала Катя, хотя Джек приложил палец к губам, предупреждая, что бы она помолчала.

– Расскажите всему миру! – энергично выкрикнул Робби, во весь свой голос. – Расскажите всем! Расскажите своим нерождённым детям!

Слёзы навернулись на Галины глаза. Но Робби это не заметил.

– Расскажите им как, преодолев широкие моря и высокие горы, перебравшись через неприступные опасные границы, преследуемые озверелыми собаками, жаждущими растерзать их плоть, – эти люди пришли в нашу страну, как светочи свободы, что бы бороться и защищать от немецкого и итальянского фашизма волю и независимость нашей Испании. Они покинули все – своих любимых, свои родные страны, свои дома и очаги, своих отцов, матерей, жен, братьев, сестер и детей. И они пришли сюда, чтобы сказать нам: «Мы здесь. Ваша борьба, борьба Испании – это и наша борьба. Это борьба всего передового и прогрессивного человечества».

Да, подумалось Гале, мы здесь. Нас много. Мы сильные.

Но завтра мы расстанемся. Нас не будет уже здесь. Может моя жизнь начинает рушиться?

– *Сегодня, многие из вас возвращаются домой. Но тысячи навеки останутся глубоко в испанской земле, и глубоко в памяти всех испанцев. Товарищи бойцы Интернациональных бригад – политические взгляды, социальные или моральные стимулы, которые подвигли вас с такой безграничной щедростью предложить нам ваше дружеское плечо, ведут вас снова в родные страны. Хотя, некоторые из вас, будут вынуждены доживать свой век на чужбине. Идите по жизни, гордо расправив плечи. Вы – это история. Вы – это легенда. Вы – героический пример демократической солидарности и единства, бросивший вызов мерзкому малодушию тех, кто привык трактовать демократические принципы через призму богатства и капитала, которым им бы не хотелось рисковать.*

– Ты, мой пример солидарности и единства, моя дорогая Галя, – прошептал ей на ухо Робби и нежно обхватил руками ее осиную талию. Галя ему улыбнулась, но ее глаза были наполнены грустью предстоящей разлуки с Робби.

– Солидарность! Солидарность! Солидарность навсегда!! – Громкий клич прокатился по площади. – Солидарность!

– *Мы некогда не забудем вас! И когда оливковое дерево мира распустит свои цветы, вплетаясь в победные лавры Испанской Республики – возвращайтесь к нам! Возвращай-*

тесь в нашу страну, возвращайтесь на свою вторую родину. Всех, у кого нет своего дома и родных, всех, у кого не осталось друзей – всех вас примет испанский народ с любовью и благодарностью и будет вечно ценить ваш беспримерный подвиг.

– Закончится война, и я вернусь к тебе. Я тебе обещаю, – промолвил Робби.

Катя одобрительно кивнула.

– Да здравствуют герои Интернациональных бригад!

Громкий гул одобрения приветствовал окончание речи. Им не хотелось уходить, огромное желание продлить этот миг обжигало сердца, было невыносимо тяжело думать, что еще один поцелуй, еще один взгляд и их пути разойдутся навек. Робби и Галя плакали. Джек и Катя держались за руки, теперь казалось, что они стали как никогда близки друг другу.

Галя сказала:

– I want to stay here with you. Я хочу остаться с тобой.

– Возможно, я смогу вернуться за тобой, – сказал Робби.

– Робби – ты романтический дуралей. Ну, все, давайте, нам надо идти: ваш поезд и наш корабль ждут нас, – перебила его Катя.

– Катя права. Нам скоро снова воевать. Галя, Катя, – Джек горько, но решительно улыбнулся, – даст бог, увидимся в Берлине! И если вы окажетесь там первыми, не съешьте все пирожные, и помните – я пью черный чай с большим

количеством сахара.

Он притянул их обоих к себе и крепко обнял.

– You must stay. We will win eventually. Ты должен остаться. В конце концов, мы победим, – промолвила Галя умоляющим тоном.

Сейчас Галя плакала совсем того не стыдясь. Катя силою тянула Галю за рукав.

– Пойдем! Корабль не будет нас ждать. Это последний рейс из Барселоны. Мы не сможем здесь остаться! – она взяла Галю за плечи и встряхнула ее. – Посмотри на меня! Победы не бывают безусловными, как и поражения, и надо иметь мужество продолжать начатое. Ты должна верить в себя.

– О, Катя! Я не думаю, что смогу. Ты не понимаешь.

Джек уводил Робби к северу, через площадь к проспекту, который вел к железнодорожному вокзалу.

– Давай, малый. Нам надо успеть на поезд. Катя позаботится о Гале. С ней будет все в порядке. Увидишь. – Он тащил за собой Робби в пункт сбора, в направлении железнодорожного вокзала. Робби уже не сопротивлялся, но все никак не мог оторвать свой взгляд от Гали, отдалявшейся от него с каждым шагом.

Галя вырвалась из Катиных объятий и отчаянно крикнула Робби:

– Робби! Робби! I'm pregnant! Я беременна.

Робби подбежал и заключил Галю в свои объятия, крепко прижав к себе, так сильно, как будто он никуда не собирался

ее отпускать. Он хотел что-то сказать, но Галя прикрыла ему рот своей рукой:

– No words! Words would break my heart! Be strong! Не надо слов! Слова разобьют моё сердце! Будь сильным!

– Я буду сильным ... для тебя! – вскричал Робби.

С мрачным выражением на своем лице, Катя отрешенно произнесла:

– Вряд ли получится быть *достаточно* сильным!

Глава шестая: Томми III

Гетероглоссия – неужели, тебе не нравится это слово? Конечно, звучит немного странно, похоже на название какой-то заразной болячки.

Закончив свою успешную карьеру в Вест-Энде, он вышел на пенсию и переехал на юг Франции, хотя, в последние годы, его мучили частые приступы гетероглоссии.

Похоже и на название сексуальной ориентации.

Раньше я был гетеросексуалом, а теперь стал гетероглоссом.

А может, это подойдет для названия греческого острова.

Я провел месяц с Самантой на Гетероглоссии. Это так экстравагантно. Мы записались на курс Тай-Чи-Зен буддизма, чтобы лучше познать себя.

Лучше познать себя? Пройдешь этот курс от А до Я, и ты поймешь, что было в твоём прошлом. И какое будущее тебе уготовано. Вот тебе мой совет. Что было в моём прошлом! Чёрт его побери, это прошлое!

В течение четырех дней, в мои тринадцать лет, по моему собственному мнению, и, конечно же, по мнению моих родителей, я находился вне закона. Это очень взбудоражило меня.

А началось все намного обыденнее, чем можно себе представить, там, вначале моей улице. Джон, как обычно, подъе-

хав к моему дому, звал меня выходить к нему. Каждый день, мы вместе ездили на велосипедах в школу. Вначале моей улицы мы остановились. Сегодня утром, у нас была запланирована контрольная работа с географии.

Джон спросил:

– Ты хорошо подготовился к контрольной?

– Нет, не очень, – солгал я.

– А, давай не пойдем на нее. Кто сказал, что мы обязаны идти?

– Ладно, давай.

Вот поэтому мы и не пошли в школу в тот день. Это был первый и последний раз, когда я прогулял занятия. Я не могу сказать, что горжусь этим, но что уже случилось, то случилось.

Джон и я, мы не были закоренелыми нарушителями порядка. Наши ярко-синие школьные пиджаки привлекали к нам лишнее внимание в этот будний день, когда все дети обычно уже в школе. И даже то, что мы сняли и спрятали свои кепки и галстуки и попытались придать себе менее опрятный вид, на самом деле не очень помогло. Поэтому мы энергично крутили педали наших велосипедов все дальше, дальше и дальше уезжая в сторону Дартфордской Пустоши. У нас не было денег с собой, и это стало проблемой, когда мы проголодались, но, не важно, мы ведь добрались в Дартфордскую Пустошь – Дартфордский пустырь!

Пустыри были любопытным местом, с точки зрения ан-

гличан. Они казались им обителью беззакония и хаоса, где до сих пор разбойники промышляют своим нехитрым ремеслом. Неужоженные, безобразные, запущенные – тогда, сейчас – это места для отдыха и пикников. Я полагаю, у каждого есть сейчас автомобиль, в наши дни. Ну, у всех, кроме нищих и безработных маргиналов. В тот день, когда мы туда приехали с Джоном, там было безлюдно. Мы бродили среди опавшей осенней листвы, неожиданно натолкнувшись на кучу брошенных картонных коробок из-под пивных бутылок. Именно, из-под стеклянных пивных бутылок, а не жестяных банок. Это были времена, задолго до появления банок, и как ни странно, в каждой коробке были грязные, обрывки листов, вырванных из разных порнографических журналов, которые, на наш юный взгляд, казались невероятно удивительными в своем неприглядном графическом откровении. Действительно ли, что женщины такие? Неужели они вправду такое делают? Такие фигуристые. Такие ловкие. Такие сильные. Такие счастливые, как нам казалось. Так заведенные. Так вот почему люди женятся. Теперь все понятно. Это точно лучше, чем география, мой дорогой друг. В любой случае.

Так может мы наткнулись на тайный притон скрытого беззакония? Или это просто убежище какого-то бродяги? А может это укромное место, где наши школьные товарищи, немного старше нас, прятались, чтобы почувствовать себя на время свободными от строгих канонов жизни Южного Лондона? Я мог перечислить наизусть все страны Британского

Содружества (ЮАР недавно исключили – отлично!), но что касалось вопросов сексуального воспитания, наша школа и наши родители, которые, по иронии судьбы, так старались облечь своей мудростью все наши взгляды и наше поведение – *Сядь прямо! Не читай, когда кушаешь! Сморкайся в платок! Поправь галстук! Уилкинсон, переходи дорогу только на зелёный свет!* – касательно этой темы оставались немymi, как рыба.

Не помню всего. Но точно помню, что нам было скучно в тот день. У нас не было денег, но мы действовали по своему плану. Это был довольно хитрый план.

Мы вернулись из пустыря к цивилизации, по дороге нам встретился большой паб и мы подумали, что можно было бы набрать пустых бутылок из мусорных баков на его заднем дворе; собрать там столько бутылок, сколько мы смогли бы унести и сдать их в ближайшей бакалейной лавке. Вот так, у нас появились деньги. Сейчас мне интересно, хотя, тогда я об этом не размышлял, – что тогда подумал о нас тот бакалейщик: два румяных (ни один из нас пока еще не брился), жёлторотых школьника за семь – восемь ходок с тучей бутылок, постепенно заработали неплохую сумму денег. На эти деньги мы купили жареную рыбу и картошку, и вот таким прекрасным образом, в гармонии с ритмом школьного распорядка, закончили этот день в районной библиотеке, которая была совсем рядом со школой.

Наверное, мы играли с огнем. А может, мы хотели, что-

бы нас поймали. Хотя, скорее всего, мы просто хотели увидеть реакцию наших одноклассников, которые, как мы точно знали, будут проходить мимо библиотеки, в четыре часа дня, как только закончатся все уроки. Я не вспомню почему, но поступили мы именно так. Закончили мы свой день – день праздности, день уклонения от контрольной работы, день нарушения правил и законов – по сути, как обычные прилежные ученики, за чтением книг в городской библиотеке.

Так начались мои незаконные каникулы. И становились все более захватывающими. Ну, по крайней мере, мне тринадцатилетнему они такими казались. Вечером мне не хотелось возвращаться домой, я был уверен, что моим родителям уже позвонили со школы, чтобы справиться о моем здоровье, поэтому я пошел к дяде Джеку. В тот день я не рассказал ему о своем прогуле. Я это сделал позже, в начале выходных. Мне непременно надо было помыться: из-за прогула я чувствовал себя «грязным», да и в буквальном значении, из-за него я весь испачкался. Что же я читал тогда? «1984», мне кажется. Действительно довольно хороший выбор, учитывая события моего прошедшего дня. Я представлял себя Уинстоном Смитом, которого весь день преследовал Большой Брат, увы, у меня не было Юлии, чтобы как-то украсить свой день. Был ли дядя Джек Гольдштейном?

Я так и не забыл тайну дяди Джека, о том, что он плакал. И в тот вечер, совершенно случайно, я нашел еще одну недо-

стающую часть мозаики его тайны.

По пятницам Джек закрывал магазин позже. Было уже около полшестого, когда он закончил свою работу, поднялся в квартиру и начал что-то готовить. Не помню сейчас, что он там готовил. Послышался стук в дверь.

– Посмотри, кто это, Томми, и отдай им те свертки, сынок.

Я спустился вниз по лестнице, чтобы посмотреть, кто пришел и отдать свертки, но когда я открыл дверь, там стоял смуглый мужчина, одетый в чужестранные одежды, с плоской черной шапочкой на голове. Это не был посыльный. Предполагаю, его внешность и мой внутренний голос, подсказали мне, что Джек будет рад видеть этого неожиданного гостя, прибывшего из..., ну, не важно, откуда бы этот парень ни прибыл. Я поманил его рукой в дом, и он последовал за мной по узкой лестнице, ведущую в квартиру Джека. Дядя Джек, сияя, как натертый пятак, приветствовал своего гостя с расprostертыми объятиями.

– Xavi, Xavi, benvenuto, mi amico. Com'è axió?

Шави ответил:

– Bona nit, Джек. Сколько лет, сколько зим, мой друг.

– Ах, Шави, что какими судьбами?

Больше не было знакомых для меня слов в их речи. Я изучал латынь, французский, испанский, итальянский язык в школе, но, тот язык, на котором они общались, не был одним из них, хотя какая-то схожесть все ж в нем была. Джек отправил меня в таверну Нью-Кросс, чтобы я купил пиво навынос.

Так можно было сделать, если они знают тебя, а они знали меня и знали дядю Джека. Это сейчас надо предъявлять удостоверение личности, если вы выглядите моложе двадцати пяти. Все меняется.

Но кто такой Шави, думал тогда я о нем? И что за странный язык, на котором он говорит? Я поспешил обратно на Олд-Кент-роуд, пивные бутылки позвякивали на ходу, я страстно желал снова увидеть Джека и его загадочного друга. Не могу сказать, что я все понял тогда, поэтому я просто перескажу события того вечера.

Незнакомец был ниже среднего роста, с очень короткими черными волосами, и одетый немного странно. С первого взгляда, можно было сказать, что он нездешний. Синяя джинсовая рубашка, бесформенный темно-синий пиджак, красный шейный платок, небольшая щетина, и его уставшие глаза, как у ангела, которому (ты уже догадался) надоело бороться с грехами.

Джек представил нас друг другу.

– Aquest és Томми. Мой племянник.

– Томми, – Шави улыбнулся и протянул мне руку. – Com és així?

– Томми, скажи ему: «Així bon», – подсказал дядя Джек. – О, и Томми, aquest és Xavi. Это Шави.

Я сказал, как меня попросили. Я всегда делал то, что говорил мне дядя Джек. Начиная с того, как правильно нужно чихать, до того, какие слова нужно употреблять. Я не был

групп: я изучал латынь, французский, испанский и итальянский в школе, и я мог распознать слово «bon».

Джек и Шави пили пиво. Они даже разрешили мне выпить стаканчик, и говорили, говорили. Казалось, они проговорят всю ночь, но нет, они так не сделали, потому что у Джека и Шави были планы на завтрашний день. Они собирались в поездку, и меня приглашали с собой. Дядя Джек объяснил мне все.

Он сказал:

– Не волнуйся, Томми. Я позвонил твоим родителям. Все будет в порядке. Ты сбегаешь домой, возьмешь сменную одежду на завтра, что-то простое: джинсы, рубашку, может быть, свитер и пальто. У нас будет длительная поездка. Да, и спроси свою маму, сможет ли она завтра присмотреть за магазином.

Значит, это было важно. Дядя Джек никогда не оставлял на кого-то свой магазин по субботам. В другие дни, да, но в субботу – никогда. И Шпоры играли на домашнем стадионе в эти выходные. Должно быть, Шави был очень важным человеком для дяди, но я так и не узнал тогда, кто он такой. Тогда. Может он моряк торгового флота, подумал я в тот вечер. Мои незапланированные каникулы продолжались. Мне удалось помножить два на два и получить пять – как говорили у нас, в те года.

Дядя Джек с чашкой чая в руках разбудил меня в шесть утра на следующее утро. Быстро позавтракав бутербродами

с беконом, мы все вместе: я, дядя Джек и Шави, отправились в дорогу. Я понятия не имел, куда мы идем. Быстрым шагом мы дошли до Лондонского моста, и зашли на станцию Кингс-Кросс. Дядя Джек отправился в билетную кассу, и вскоре мы уже сидели в поезде. У меня не хватало смелости спросить, куда же мы все-таки едем, но я полностью доверял дяде Джеку.

Он обратился ко мне:

– Томми, ты умный мальчик, и ходишь в хорошую школу, но в эти выходные, именно в эти выходные, сынок, ты значительно расширишь свои знания.

Улыбаясь мне, он говорил эти слова, в ответ на мое признание о прогуле.

– Молодец. Каждый должен однажды это сделать. Я рад, что вам не скучно там. Но больше так не делай, хорошо?

– Хорошо, – ответил я насупившись.

– Не хмурься. Давай, веселее. Сегодняшний день может изменить твою жизнь. Не беспокойся о школе. Я напишу им записку. В любом случае, ты пойдешь снова в школу не раньше вторника потому, что мы вернемся из Глазго только в понедельник поздно вечером. Сегодня ты увидишь что-то удивительное.

Глазго, интересно, почему мы едем в Глазго? Я терялся в догадках. К счастью, я взял с собой целую сумку книг, я и по сей день так делаю, когда собираюсь в длительные поездки, а я много путешествую. Сложно угадать, куда завтра

меня занесет моя работа. Я стаю параноиком, честно, практически параноиком, и расстраиваюсь до слез, если у меня заканчиваются книги и мне больше нечего почитать. Свои поездки за рубеж я начинаю планировать с выбора книг в дорогу, а уже потом – бронирую билеты, думаю о страховании, и, если это необходимо, получаю визу. Но о книгах я забочусь в первую очередь. Долгих лет жизни тому, кто придумал электронную книгу. До этого полезного изобретения, я возил с собой два чемодана: один – для моей одежды, второй – для книг. Мне даже приходилось искать англоязычную литературу в зарубежных аэропортах, как только иссякали мои запасы книг. Вся та чепуха, которую мне довелось узнать о непонятных греческих островах, и даже о гетероглоссии, случилась только по той причине, что мне больше просто не было что читать!

Я всегда любил путешествовать поездом, особенно когда поездка начиналась поздним вечером, в вагоне на смену ночи приходило утро, а там за ним, и яркий новый день. Мне очень нравится, и даже более того, я в восторге от этого – любоваться светом окошек проплывающих мимо домов. В каждом доме люди живут своей жизнью, у каждого своя семья. Все такие разные, и при этом, такие похожие: чистят зубы, бреются, моются, пьют чай, заваривают кофе и готовят ужин. Мы все в этой стране, в каждом доме, за каждым освещенным окном, живем своими собственными мыслями, своими заботами и мечтами, до которых больше нет никому де-

ла. Как достучаться до всех этих людей? Как их объединить?

Во время нашей поездки в Глазго я читал «1984» Оруэлла. Я помню это, потому что где-то, в районе станции Грантем, когда Джек и Шави сделали паузу в своем разговоре, Шави посмотрел на меня и одобрительно кивнул, показывая на мою книгу.

– Оруэлл? – спросил он.

– Да, это Джордж Оруэлл – очень хорошая книга. Вы читали ее?

– Sí, на каталонском.

Каталонский! Вот на каком языке он говорил. Дядя Джек немного оживился и, впервые за время нашего путешествия, начал мне объяснять.

– Томми, мне нужно тебе рассказать кое-что. Я не видел Шави долгое время. Мы познакомились впервые ещё в тридцатые годы, в Испании. Мне нужно о многом поговорить с ним, и он привез тебе ... ну, привез мне и тебе подарки. Один из них, тебе понадобится там, куда мы едем.

В руке он держал два нагрудных знаки: один круглый и серый, с надписью «Voluntarios Internacionales de la Libertad 1936–1939». В нижней части знака была изображена пятиконечная звезда, а над ней грозно сжатый кулак левой руки.

– А, вот, еще один – этот более красочный.

Второй знак был прямоугольным, ярко-красного цвета, с серпом и молотом в одном углу, а в другом – золотое тиснение «Казарма Ленина» и ещё какая-то аббревиатура

– ROUM, о которой я тогда нечего не знал. Что, в конце концов, это все значило? Какие-то смутные воспоминания о «Памяти Каталонии» Оруэлла всплывали в моей голове. Меня так и подмывало попросить дядю отдать мне оба знака, но я подумал, что это будет крайне невежливо для меня – англичанина, хорошо воспитанного мальчика, с обостренным чувством собственного достоинства. Я выбрал красный значок и неуклюже прикрепил его к своей штормовке. Так тогда мы называли ветровки, сейчас это слово уже затерялось. А мне нравится слово «штормовка»: я Томас Английский, Повелитель Штормов и Борец с гравитацией, Король слов и Правитель Страхопундии. Последнее слово, я только что сам придумал.

– Отлично, – сказал Джек. – Теперь ты готов, я думаю. Там, куда мы направляемся, эти значки будут служить указателем для людей, показывая, что мы на их стороне.

Тогда это не торговый флот. Гражданская война в Испании. Вот это да! Мой дядя Джек сражался в гражданскую войну в Испании. Я прочитал достаточно много Оруэлла, что бы догадаться об этом. То есть, другими словами: мой дядя Джек, должно быть, ушел добровольцем на гражданскую войну в Испанию! Ого! На мой взгляд, это был повод для гордости, но меня терзали смутные сомнения, почему наша семья это скрывала. Или, может, это дядя Джек сам не удостоился упомянуть об этом эпизоде своей автобиографии, когда его критиковали за то, что он «пересидел» войну. Яс-

но было, что это ерунда: он внес свой вклад в победу еще до 1939 года. Но что произошло в Испании, что так могло до слёз расстроить его?

Джек и Шави разговаривали беспрестанно, со станции Кингс-Кросс и до станции Глазго Центральный парк, в основном на каталанском, но немного и на английском языке. Джек, казалось, помолодел, оживился, воспрянул духом. Он даже начал рассказывать анекдоты.

– Однажды ночью шел я домой через Саутворк Бридж, когда я увидел одного молодого человека, стоявшего на парапете моста и собиравшегося прыгнуть в Темзу. Я не мог оставить человека в беде, у меня острое чувство долга перед моими согражданами, так что я подумал – я постараюсь спасти его жизнь. И я начал разговаривать с ним, чтобы попытаться увести его с моста и предотвратить это бессмысленное самоубийство:

– Что случилось, приятель? Что такое произошло, что ты принял решение покончить с собой?

Он ответил мне: «Ну, меня бросила девушка, а она была всем для меня, но, что еще хуже – я не могу жить при правительстве Тори. Я не вытерплю это. Я не могу больше терпеть. В этой стране некогда не будет заметных изменений».

Поэтому я сказал этому молодому человеку: «Посмотри, я тоже чувствую себя бессильным поменять политику нашей страны, но я ведь не собираюсь бросаться с моста из-

за этого. Нам надо бороться с системой. Не трать свою жизнь напрасно – начни бороться. Ты член Лейбористской партии?»

Он произнес: «Нет, ни в коем случае – они слишком умеренные, как для меня».

Я ответил ему: «Я согласен с тобой. Они никогда не решаться на какие-либо фундаментальные реформы. Проблема в том, что их партийные программные обещания всегда расходятся с реалиями их работы в правительстве. Так ты приверженец другой партии?»

Паренек ответил: «Да, я коммунист».

А я продолжал: «Ну, сынок, сегодня твой счастливый вечер – я тоже коммунист. Я помогу тебе, товарищ. У нас есть цель в жизни, ради которой стоит жить. Ты состоишь в членах Британской компартии или ты член Коммунистической партии Великобритании?»

Парень ответил: «Британская компартия».

«Я тоже! Честное слово, нам повезло, что мы встретились, приятель. А ты сторонник марксистско-ленинской идеологии или ты троцкист?»

«Марксистско-ленинской» – ответил он.

«Вот это да! Удивительно! Я тоже! Бывает же? – А тебе, лично, ближе марксистско-ленинское учение в маоистской трактовке или марксистско-ленинское учение в сталинской трактовке?»

«Я сторонник Британской компартии, марксистско-ле-

нинской идеологии, в сталинской трактовке».

«Мы же родственные души! Теперь, когда мы встретились, может, ты сойдешь с парашюта, и не будешь прыгать. Нам нужно готовиться к революции. Еще только один вопрос: ты сторонник Британской компартии, марксистско-ленинской идеологии, в сталинской трактовке периода до 1956 года или сторонник Британской компартии, марксистско-ленинской идеологии, в сталинской трактовке периода после 1956 года?»

«Я сторонник Британской компартии, марксистско-ленинской идеологии, в сталинской трактовке периода до 1956 года»

«Ах так, тогда умри, ты контрреволюционный предатель!» И я толкнул его с моста. Вот убыл одок!

Шави рассмеялся, он хохотал до слез. Слезы радости сменились печалью и, качая головой, он тихо сказал:

– Это не только смешно, но и грустно. История напомнила мне о войне – людей всегда что-то разделяет.

– Тогда, когда им жизненно нужно объединиться, – добавил Джек.

На несколько минут запала тишина. Я заметил, как заблестели глаза Джека от накатившихся слез, и я отвернулся к окну, чтобы рассмотреть проплывающие мимо нашего вагона, плоские равнины восточной Англии. Линкольншир – благодатный край, где море, небо, и вкусные сосиски, как я уже позже узнал, встречаются все в одном месте.

Я неуверенно сказал:

– Я тоже знаю шутку, но она не очень смешная.

– Ну, пока не услышишь, трудно сказать, какая она, Томми, согласен? – ответил на мои слова дядя Джек.

Это была моя первая дерзкая попытка прорваться в мир взрослых, с хорошо продуманным планом, чтобы получить нужный мне результат.

– Ладно. Начинается история так:

– Двое мужчин, едут на поезде из Москвы в Самару и разговаривают друг с другом. И как-то по ходу беседы, один мужчина обращается к своему попутчику: «Так кем Вы, говорите, работаете?»

А тот ему отвечает: «Я учитель истории. А Вы?»

«Я агент КГБ. Работаю в отделе, который охотится за теми, кто недоволен нашей великой коммунистической страной».

Учитель истории ему на это говорит: «Неужели! – и немного подумав, спрашивает – Погодите! Вы утверждаете, что охотитесь за теми, кто недоволен – так, вы хотите сказать, что есть довольные?!».

«Конечно, есть такие – отвечает агент КГБ, – но ими занимается другой отдел».

«Другой отдел?» – крайне удивленно переспросил учитель.

«Да, это работа исключительно отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности».

– Хорошая история, Томми! – сказал дядя Джек, посмеи-

ваясь тихо.

Шави улыбнулся:

– Да – человек сам себе лучший судья и палач.

Человек сам себе лучший судья и палач. Легко сказать, но когда тебе тринадцать, ты нуждаешься в «судье» со стороны – не обязательно, чтобы тебе что-то навязывать – только для того, чтобы немного тебя опекать и направлять на верный путь. Но мне симпатизировал идеализм Шави: просто, я сам еще не знал, кто я на самом деле, поэтому и отвергал идею быть себе судьей в моих житейских делах. И до сих пор не пытаюсь судить. Особенно себя. А в тот день, в частности, я был готов отдать себя на суд машинисту нашего поезда и неизбежной судьбе железнодорожных путей. Звучало как план.

Настал черед Шави поделиться забавной историей. Он рассказывал на каталанском, а Джек переводил:

Организация Объединенных Наций решила провести конкурс, открытый для всех народов, на лучшую книгу о слонах.

Французы выставили на конкурс пространно написанную книгу под названием «Любовь и секс в мире слонов».

Британцы создали заумный трактат: «Важность слонов в мировой торговле».

Немцы сочинили двадцать четыре тома энциклопедии с названием: «Слонология: Введение».

Американцы пришли на конкурс с миллионным тиражом брошюры: «Потеря: Всего 10 долларов. Выиграй своего соб-

ственного слона».

СССР направил в ООН три тома со следующими названиями:

Том Первый – «Роль слонов в Великой Октябрьской революции».

Том Второй – «Счастье слонов при коммунизме».

Том Третий – «Сталин: друг и верный защитник всех слонов».

Очень забавно!

О чем бы ни говорили дядя Джек с его другом, мне всегда давали высказать свое мнение. Мы провели так много времени вместе, что наши разговоры стали похожи на академические учебные лекции. Мне также казалось, что дядя Джек хотел немного похвастаться перед Шави своим любимым племянником. Уже точно не вспомню все детали того дня, но это случилось, вероятно, во время одного из раундов наших дебатов о всемирной истории человечества. Скорее всего.

– Александр Македонский, – сказал он, только чтобы спровоцировать меня.

– Ни в коем случае, дядя Джек! Насколько мы можем судить, по уровню вооружения его армия намного превосходила своего противника. Даже хорошо выдрессированный джек-рассел-терьер, умей он разговаривать, добился бы не меньшего с такой то армией. Его переоценивают. А как насчет Роберта Эдварда Ли?

– То есть, ты предлагаешь не брать во внимание моральный аспект его поступков?

– Конечно, дядя Джек – что общего у морали и в умении быть хорошим военачальником. Вот, Роммель был талантливым генералом.

– Допустим. Ли – да, он блестяще использовал ограниченные ресурсы, в этом я с тобой согласен.

– Его использование мобильности своих войск в 1863 году предотвратило полномасштабную осаду Ричмонда.

– Да, но рассмотрим его противника. Макклеллан был робким генералом, да и умом он не блистал.

– Зато его умные разведчики сводили на нет все блестящие тактики и возможности применения ограниченных ресурсов генерала Ли. Что скажешь на это, дядя Джек?

Дядя Джек повернулся с улыбкой к Шави, который одобритительно мне кивал.

– Ну ладно, Томми, но чтобы было с Ли, если б он встретился в бою с Жуковым?»

– Это неуместное сравнение – нельзя скрещивать разные исторические периоды. В противном случае, мы договоримся до того, что Веллингтон проиграл бы битву при Ватерлоо, если бы ему противостоял Жуков.

– Но, мы ж не проиграли, – усмехнулся дядя Джек.

– Теперь просто ты меня дразнишь, дядя Джек. В любом случае, кто бы мог предугадать, что у Ли хватит смелости напасть на северян? Попался!

– Но, Томми, в битве при Энтітеме его армию практически уничтожили. Это событие сделало исход войны совершенно предрешенным.

– Исход войны был изначально предрешен, учитывая промышленные и финансовые преимущества Севера, не говоря уже об их превосходстве в рабочей силе.

Дядя Джек громко рассмеялся:

– Томми Уилкинсон, ты просто мелкий пакостник!

Ты, наверное, уже догадался, куда мы держали свой путь, и какой была цель нашей поездки – судостроительный завод на реке Клайд. Я видел его по телевизору, но дядя Джек решил, что я должен увидеть его своими глазами, по-настоящему. На место мы прибыли поздним вечером в субботу. Атмосфера перед заводскими воротами была довольно праздничной.

Все верфи были под контролем профсоюзов. Никто не мог выехать или въехать без их разрешения. Когда мы прибыли туда, перед воротами уже собралась большая толпа народа: жены, подруги, другие члены семьи, которые принесли еду, подарки, прочие необходимые вещи для своих мужчин, работающих на заводе. А еще там была туча журналистов и телекамер. Ворота верфи, как и положено, были массивными, но практически скрыты под флагами и транспарантами, в основном красными ... с вкраплением черного, для контраста.

Дядя Джек снова удивил меня. Он пообщался с кем-то из

охранников, а затем жестами подозвал к себе меня и Шави.

– Давайте! Они разрешили нам зайти. У меня есть кое-что передать этим парням.

Ты должен меня понять, я не был тогда таким разговорчивым, бойким парнем, которого ты знаешь сейчас. Я был домашним, общаясь, в основном, только с дядей Джеком или моими братьями и сестрами. Но, на публике я вел себя тихо, смотрел, слушал и мотал себе на ус. Я внимательно наблюдал, очарованный дядей Джеком, которого я думал, что хорошо знаю. И который, совершенно изменился в этом новом странном мире.

Мы бродили по верфи. Я бродил там, а разные мысли бродили в моей голове. Скоро нас приняли, как оказалось, в управлении завода, из которого шло руководство работой всей верфи. Один или два человека осмотрели, одобрительно качая головой, мой нагрудный значок, а также те, что были приколоты к одежде Джека и Шави. И вот, еще несколько шагов и мы зашли в по-спартански обставленный офис, затуманенный сигаретным дымом.

– Джек! Джеки, дружище!

– Черт возьми! Эрик! Эрик, я так рад тебя видеть. Сколько воды утекло.

– И не говори. Очень много, мой друг. Когда ж последний раз я видел тебя, Джек?

– Должно быть, на площади Каталонии, в тот день мы уезжали – а вы еще оставались.

– Ох, да – мы оставались в Барселоне, когда появились националисты.

– Все было так плохо?

– Невероятно, чертовски плохо, Джек. Пришлось уходить в горы. Вернуться в Глазго не получалось аж до 1946 года, – сделал паузу Эрик, казалось, он собирался с мыслями, чтобы сказать что-то еще. Но, он только покачал головой и широко улыбнулся. – Это твой парень?

Джек рассмеялся.

– Нет, нет, это мой племянник. Ты помнишь Шави или слышал о Шави?

– Я слышал о Шави. Кто же не слышал о Шави?

Я хотел его перебить и сказать: «Я не слышал о нем. Я не имею ни малейшего понятия, что происходит и кто этот Шави». Но я, конечно, не сделал так.

Джек сказал:

– Я приехал только для того, чтобы передать вам вот это, – при этих словах, он достал из заднего кармана брюк конверт, в котором явно были деньги. Я не знал, сколько там было, но, наверное, для Джека было важно доставить их лично. В этот момент Шави тоже вручил Эрику толстый конверт и сказал ему что-то.

Джек перевел.

– Это пожертвование, говорит Шави, от судостроителей Барселоны. Им пришлось собирать эти деньги в тайне. Шави проделал весь этот путь, чтобы доставить их лично вам.

Я не помню, когда еще Джек был так счастлив и так энергичен, как в тот день на судостроительном заводе. Люди, казалось, знали его или слышали о нем и относились к нему с чувством глубокого уважением, которое не имело ничего общего с уважением к лучшему мяснику на Олд-Кент-роуд. Он пожимал руки рабочим, останавливался, чтобы приободрить молодых парней, которые, я в этом уверен, никогда не слышали о нем. Я плелся сзади за Джеком и Шави в нашей импровизированной экскурсии по этим могучим верфям.

Оглядываясь назад, все, что мне вспоминается, в первую очередь, – это повсеместные плакаты, запрещающие алкоголь. А еще, красные флаги и баннеры, призывающие к труду. Все в красном цвете. В кроваво-красном.

*Вставай, проклятьем заклеймённый,
Голодный, угнетённый люд!*

Эрик заметил, как я пристально смотрю на один из плакатов, призывающих к трезвости, и начал мне объяснять:

– Это парни, Томми, их сложно удержать от выпивки, но если они будут всю ночь пьянствовать, пресса наутро напишет едкие статьи. А так, пока мы здесь, никакого алкоголя. Это революционная дисциплина. Понимаешь, Томми, пресса в этой стране фанатично предана правительству. Все они скрытые фашисты.

– Оставь его в покое, Эрик! – присоединился к нашему

разговору дядя Джек. – Он умный парень – он сам сделает для себя выводы.

Что за день! Я бы здесь хотел пожить, но, естественно, не вечно. Мы остались в ту ночь на верфях, пели песни, совместно ужинали с работниками завода. Не скрою, немного и пили, в основном пиво. Дядя Джек протянул мне литровую бутылку тёмного эля и сказал мне смаковать, как можно медленнее. Я стащил фонарь и подыскал себе местечко для ночлега, подальше от шумной компании. Укромный уголок я нашел глубоко в корпусе огромного корабля, который был наполовину построен на одном из стапелей. Ты же меня знаешь – мне хотелось дочитать остававшиеся тридцать страниц романа «1984», и насладится вкусом темного эля в спокойствии и тишине.

В темноте я поднес к моим губам горлышко бутылки, предвкушая удовольствие от хмельной влаги.

– Не пей слишком быстро, парень, иначе тебе станет плохо.

Голос. Голос девушки. Здесь на корабле.

– Извини, что ты сказала – вздрогнул я от неожиданности.

– Ты хорошо слышал, что я сказала, парень.

– Ты права. Я просто очень удивился. Я думал, что здесь нет никого кроме меня.

– Дай попробовать твой напиток, парень. Я Шивон. Как тебя зовут?

Бледное лицо, в обрамлении ярко-рыжих волос, внезап-

но появилось из полутьмы. Я увидел, как моя новая подруга улыбнулась, из-за своей неуклюжей попытки спуститься ко мне по изогнутому металлическому корпусу судна.

– Я Томми. Приятно познакомиться с тобой, Шивон.

Своей рукой она коснулась меня и притянула мою руку, с бутылкой эля в ней, поближе к себе. Я услышал, как Шивон сделала несколько глотков.

– Не беспокойся, Томми. Ели у нас закончится эль, я знаю, где искать еще. У моего бати есть тайник, а он далеко от нас – вон, поет со своими друзьями.

Я молчал. А что я должен был ответить ей?

– Мне пятнадцать лет, а мой батя ведет себя со мной, как будто мне только десять, – вздохнула Шивон.

– Мне четырнадцать, – солгал я.

– Честно? А я подумала, что около двенадцати лет, когда я увидела тебя прогуливающегося по верфи с тем большим дядькой. Это твой отец?

– Нет. Это мой дядя Джек. Он воевал в Испании, ты слышала, – в Интербригаде.

– Ааа, ну он бы не был здесь, если бы он воевал за Франко, а сейчас он готов повоевать, Томми?

– Правда, он действительно воевал там. Он настоящий герой.

– Конечно, Томми-бой, но сейчас он готов воевать снова?

Я почувствовал прикосновение ее мягких теплых пальцев на своем лице. Она нежно провела рукой по моему лбу, по-

том вниз по щеке к моей шее, невзначай, по пути коснувшись линии моих губ.

Внезапно, я резко приподнял фонарь, чтобы увидеть лицо Шивон: большие, голубые, удивленные глаза, копна рыжих волос, веснушки, и широкая веселая улыбка.

– Ты видел обнаженную женщину, Томми-бой?

– Ну, если честно – да, видел.

– Только твоя мать, сестры и все те фотографии в дурацких журналах, не в счет? – прощепетала Шивон скороговоркой пятилетнего ребенка.

– Да, видел я. Поверь.

Бедная Ивонн.

– Значит, Томми-бой, ты знаешь, что нужно делать с ними?

Наверное, это эль заставил меня быть откровенным. Я рассмеялся.

– Шивон, я не имею ни малейшего представления.

– Ну, и я тоже. – Запала долгая пауза. Я видел, как в глазах Шивон танцевали огоньки света, отбрасываемого фонарем. Танцевали они с таким озорством. – Я умная, и ты, скорее всего, очень умный, потому что сейчас суббота, а я застала тебя здесь за чтением книги: а все это лишний раз доказывает, что ты умный.

– Ну и что?

– Значит, мы должны вместе поразмыслить над этим вопросом, Томми. Одна голова хорошо, а две – лучше, как го-

ворят.

– Сейчас меня волнуют вовсе не наши головы, Шивон ..., – я оборвал свою мысль на полуслове.

Ее мягкая, нежная рука коснулась моей, наши пальцы переплелись.

– Все будет все хорошо. Тебе понравится.

Сидр с Розы. Тёмный эль с Шивон. Нежность ангелов. Ах!

В воскресенье тоже весь день мы провели на судостроительном заводе. Кто-то подарил мне книгу, Троцкого «*Перманентная революция*», и сказал, что я должен прочитать ее, до нашего возвращения, в понедельник утром, в Лондон, что я и сделал. Я всегда делал то, что мне говорили. Шивон нашла сама меня на следующий день, и я тоже сделал то, что она мне сказала: мы поцеловались украдкой, пока дядя Джек и ее отец нас не видели. Интересно, где она сейчас? Надеюсь, у нее есть хорошая история, поведать нам. Я ей очень признателен. Ранним утром мы сели в поезд в направлении Лондона. Я приехал домой около полудня, полон новых впечатлений.

Дядя Джек написал записку для школы. Я не знаю, что он там написал, но у меня не было, совершенно, ни каких проблем из-за моего отсутствия на занятиях. За исключением нескольких колких замечаний от учителя географии о моем с Джоном «удобном» отсутствии на контрольной работе, которую нам все равно пришлось написать во время одной из больших школьных переменок. Дядя Джек впал в немилость

у моих родителей, которые считали, что он вредно влияет на меня. Но, связь между мною и дядей Джеком еще больше окрепла. Мы также по-прежнему крайне редко говорили о его прошлом: я еще очень долго не решался спросить его об Испании, хотя вопросы так и роились в моей голове. Я был слишком занят своим взрослением, и любые мои вопросы доставляли лишние хлопоты дяде Джеку, поэтому я избегал этой темы.

Я не мог понять, почему, то, что должно было стать предметом гордости для него, он так скрывал. А что касательно меня – кроме победы Франко и поражения республиканского правительства – я не мог понять, что на самом деле произошло там, в Испании. Что могло бы объяснить ту, увиденную мною, сцену в мясной лавке. Те дядины рыдания. Мне предстояло еще многое узнать.

Помните тот мой нагрудный знак? Я по сей день ношу его.

Глава седьмая: Джек III

На дворе стоял сентябрь – наш первый выход в рейс. Сейчас это уже широко и печально известный Арктический конвой. Мы стояли на якоре у полуострова Ланганес, рядом с Хейвалфьордюр в Исландии. Я чистил зенитную пушку, когда Робби окликнул меня:

– Джек, посмотри туда. Там конвой!

Я побежал к нему на левый борт судна, но к тому времени, когда я туда добрался, я увидел только разочарованное лицо Робби. Это был не конвой. Да и не мог он быть таким, в любом случае: корабли шли с востока. Не знаю, почему Робби так ошибся.

С такого расстояния, приближающиеся крупные чёрные точки, на фоне горизонта, были похожи на огромную флотилию. На наш неискушенный взгляд, это вряд ли могло быть чем-то другим. То были корабли сопровождения. Я и Робби испытали чувство большого облегчения при их виде, нам показалось, как будто все силы британского флота собрались вокруг нас. Мы были еще новичками на море, поэтому пока с трудом определяли вид судна по его силуэту. Но, я насчитал там два линейных корабля. И, по крайней мере, десяток крейсеров, сорок или пятьдесят эсминцев. А также, множество других мелких судов: грузовые корабли, переоборудованные на вспомогательные для авианосцев, но легко узна-

ваемые по своим неуклюжим формам, и причудливо изогнутым пусковым палубам. Флот насчитывал более шестидесяти судов. Меня удивило такое огромное количество кораблей для одного конвоя. PQ1 – порядковый номер нашего рейса. И вот еще что, и наш военно-морской флот и флот врага, как мне тогда казалось, только учились противостоять друг другу в этом новом типе войны.

Робби и я служили в морском торговом флоте около шести месяцев, поэтому новизна жизни на борту судна для нас пока не прошла. Нам провели упрощенную базовую подготовку в Портсмуте, и мы сразу получили приписку на наш первый корабль. Мы служили рядовыми матросами, но, учитывая военный опыт, нашей основной обязанностью, во время боя, было управление зенитным орудием, которое, разумеется, было установлено на каждом грузовом корабле. Свой путь мы начали из Лондона, как раз в то время, переживающего тяжелый и разорительный период Лондонского блока. Затем, мы добрались поездом до Ливерпуля. Далее была спешная посадка на корабль и быстрый петляющий марафон среди Шотландских островов, с последовавшим, безумным рывком в сторону Исландии. Мы быстро учились, корабль нам казался оазисом безопасности после непрекращающихся бомбардировок в Портсмуте и Лондоне, и даже в Ливерпуле. Британия, которую нам пришлось оставить, тлела и дымилась в лучах дневного света, полыхала и искрилась под сенью приходящей ночи.

Чуть позже, на западе, показался и сам конвой. Я попытался представить себе все сорок девять судов следующих друг за другом в строгом порядке, но так и не смог. Мне стало понятно, что объединить в своем воображении еще и корабли сопровождения, у меня уже точно не получится. Приближающаяся к нам армада состояла из огромного крейсера с самолетом на палубе, двух эсминцев, десятка катеров береговой охраны и меньших судов – все американские, судя по всему. Их боевая мощь не настолько впечатляла, как у британского эскорта, но, тогда переход между Галифаксом и Исландией считался относительно безопасным. По-видимому, немцы сосредоточили все свои подводные лодки в направлении Мурманска, а их самолеты, с базой в Норвегии, не могли достичь западной оконечности Исландии. Сам конвой не образовывал линейный эшелон. Они подошли к нам рассредоточенной группой, где корабли располагались по всей акватории в шахматном порядке. Такое построение очень уязвимо в случае нападения врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.